

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕЗИСЫ

**ДОКЛАДОВ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКЕ, ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ**

ТАРТУ 1963

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕЗИСЫ

ДОКЛАДОВ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКЕ, ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

ТАРТУ 1963

1. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В. И. ЗАГОРСКИЙ
(Москва)

СЕВЕРНЫЕ СТРАНЫ И «ОБЩИЙ РЫНОК»

1. Сторонники вступления северных стран в «общий рынок» (ЕЭС) утверждают, что производство на «общий рынок» с 200 млн. предпринимателей обеспечит стремительное развитие скандинавской экономики. Конкуренция внутри ЕЭС ускорит процессы улучшения и модернизации промышленности. Решительная перестройка экономики внутри «общего рынка» приведет к более быстрому росту национального дохода.

Более внимательный анализ последствий европейской экономической интеграции показывает, однако, полную несостоятельность подобной аргументации.

2. Широкий внутренний рынок не ограждает автоматически страну от замедления темпов экономического развития. Положение таких американских штатов, как Луизиана, Алабама и Джорджия, говорит о том, что относительно высокий средний уровень экономического развития в Соединенных Штатах не исключает областей, которые являются бедными и отсталыми, хотя движение рабочей силы, товаров и капитала осуществляется беспрепятственно по всей стране. В то же время страны с очень небольшим внутренним рынком, как, например, Норвегия, могут развиваться весьма быстро.

3. Уже в настоящее время в северных странах ощущается недостаток капитала для новых вложений. Развитие скандинавской промышленности внутри «общего рынка» может замедлиться, поскольку скандинавские предприниматели или иностранные владельцы скандинавских фирм будут беспрепятственно переводить свой капитал из северных стран в другие страны «общего рынка», если они сочтут, что это выгоднее.

4. Северные страны будут вынуждены в рамках «общего рынка» уступить значительную часть своего суверенитета так называемым наднациональным органам, которые создают опасность лишения малых стран самостоятельности в принятии экономических и политических решений. Интеграция несет в себе угрозу объединенных действий международного капитала внутри «общего рынка» в ущерб интересам деловых кругов северных стран.

5. «Общий рынок», призванный служить экономическим фундаментом НАТО, явится еще одним экономическим обручем,

который стягивает рассыпающееся НАТО. Внутри ЕЭС значительно уменьшатся возможности политического маневрирования таких стран НАТО, как Дания и Норвегия. Укрепление НАТО идет вразрез с политическими целями нейтральной Швеции. Опасность быть искусственно пристегнутой к НАТО внутри «общего рынка» может стать реальной и для Финляндии, что поставит под угрозу жизненно важную для ее экономики торговлю с социалистическими странами.

6. Крайние правые силы «малой Европы» разворачивают совместную борьбу против мировой системы социализма, демократических и социалистических сил, против национально-освободительного движения. Соединенные Штаты Европы, указывал В. И. Ленин, возможны лишь как соглашение европейских капиталистов о том, как «сообща давить социализм в Европе»¹. Усиление единства всех демократических сил северных стран является важнейшим условием успешной борьбы против последствий интеграции, проводимой союзом западноевропейских монополистов.

7. Анализ внутренних противоречий интеграции Западной Европы свидетельствует об антагонистическом характере сотрудничества внутри «общего рынка». Участники интеграции используют все имеющиеся экономические, технические и организационные преимущества для укрепления своих позиций и для проникновения на рынки своих партнеров.

8. Национальные интересы северных стран настоятельно требуют, чтобы их экономические отношения с другими государствами строились не на принципе «открытых дверей» для избранных в замкнутых экономических блоках, а формировались исключительно в соответствии с особенностями и нуждами народного хозяйства. Насущные экономические проблемы северных стран могут быть разрешены на основе развития широкого общеевропейского сотрудничества, прежде всего со странами социалистического лагеря, экономический потенциал и емкость рынка которых растут невиданными темпами.

Наиболее дальновидные круги в северных странах решительно настаивают на широком обсуждении последствий присоединения к экономическому блоку ЕЭС, в котором господствуют их крупнейшие конкуренты и где преобладают чисто политические и военные интересы. Только путь неучастия в замкнутых экономических и военных группировках, политика нейтралитета и взаимовыгодной торговли со всеми странами, независимо от общественно-политических систем, может способствовать преодолению экономических и финансовых затруднений северных стран.

¹ В. И. Ленин, Собр. соч., 4-е изд., т. 21, стр. 310.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

1. История скандинавских стран в целом до сих пор не была еще предметом углубленного изучения со стороны историков-марксистов; еще не создано общих или обобщающих марксистских трудов по истории Скандинавии; до сих пор советскими учеными изучались лишь частные проблемы. Поэтому еще не разработана научно-обоснованная схема марксистской периодизации истории Скандинавских стран и создание подобной схемы является насущной задачей советских историков-скандинавистов.

2. В основу периодизации истории скандинавских стран должно быть положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. История скандинавских стран может быть разделена прежде всего на 3 основных этапа, соответствующие 3 формациям — первобытно-общинной, феодальной и капиталистической.

3. При разработке периодизации истории Скандинавии нельзя основываться на аналогии с классическими странами Западной Европы — Францией, Англией, Италией и др. — поскольку эти страны входили в состав античного рабовладельческого общества и развивались (и в эпоху рабовладельческого строя, и на ранних этапах феодального строя) под большим воздействием общественных отношений и культуры античного мира. Пути развития скандинавских стран были во многом отличны и гораздо ближе к путям развития основных стран Восточной Европы, миновавших рабовладельческую формацию.

4. Эпоха первобытно-общинного строя в скандинавских странах охватывает период с момента первого появления человека на юге Скандинавии после таяния ледника (около 10 тыс. лет до н. э.) и до перехода Швеции, Норвегии и Дании к классовому обществу.

5. Эпоха феодализма в целом охватывает период времени от перехода скандинавских стран к классовому обществу и до перехода к капиталистическим отношениям. По вопросу о времени начала и конца феодальной формации в скандинавских странах у советских историков существуют разные точки зрения. Нам представляется более оправданным относить начало классового общества, и вместе с тем феодальной формации в Скандинавии к IX в. (может быть с добавлением второй половины VIII в.). Конец феодальной формации и переход к капи-

талистической формации представляется правильнее всего относить к концу XVIII и первой половине XIX в., в том числе для Дании и Норвегии — к концу XVIII и началу XIX в., для Швеции — ко второй четверти XIX в.

6. В пределах эпохи феодализма можно предложить более дробное деление на отдельные периоды:

а) Период формирования классового общества и государства (IX—XI вв.), который условно может быть назван раннефеодальным периодом (хотя в это время феодальные отношения делают еще самые первые шаги).

б) Период развития феодальных отношений и ослабления феодальной государственности (XII—XIV вв.), соответствующий периоду феодальной раздробленности в России, Польше, Франции и др.

в) Период формирования централизованных национальных государств в Дании и Швеции (XV—XVI вв.).

г) Период разложения феодальных отношений и формирования капиталистического уклада (XVII—XVIII вв. и частично — первая половина XIX в.).

7. Эпоха капитализма в скандинавских странах охватывает время от конца XVIII — первой половины XIX в. и до современности. Она делится на:

а) Период промышленного капитализма (XIX век),

б) Период империализма (с конца XIX в. и до наших дней).

8. Период империализма в скандинавских странах в свою очередь может быть разделен на несколько частей:

а) Период довоенного империализма,

б) Период между двумя мировыми войнами,

в) Период второй мировой войны,

г) Послевоенный период.

В. Г. АДМОНИ

Доктор филологических наук
(Ленинград)

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АВГУСТА СТРИНДБЕРГА

1. Творчество А. Стриндберга, крупнейшего шведского писателя XIX века, охватывает почти полувековой период. Но еще более значительно творчество Стриндберга с точки зрения тех этапов в развитии мировой литературы, к которым Стриндберг был причастен: он связан с рядом важнейших литературных направлений от конца XVIII века до первой половины XX века. В этом отношении у Стриндберга есть общие черты с великим норвежским драматургом Ибсенем — специфические черты развития скандинавских литератур в XIX веке создавали

предпосылки для такой прикосновенности писателей к целой веренице сменяющих друг друга направлений и стилей.

2. Ранние пьесы Стриндберга (в конце 1860-х гг.) насыщены чертами позднесентименталистскими. В 1870-х гг. и начале 1880-х гг. Стриндберг приходит к реализму и становится виднейшим представителем критического реализма в литературе скандинавских стран. Неоромантические и символистские тенденции ярко проступают в творчестве Стриндберга во второй половине 1880-х гг. и в 1890-х гг. А в начале XX века у Стриндберга появляются черты, предвосхищающие то направление в западноевропейской литературе этого столетия, которое изображает мир как клубок бессмысленностей, рисуя его в смещенном виде, с нарушенными пропорциями.

3. Однако смена разных этапов в творчестве Стриндберга не является абсолютной. Особенно важно, что та реалистическая стихия, которая появляется у него в 1870-е гг., отнюдь не исчезает полностью и на дальнейших этапах его развития. Во второй половине 1890-х гг. и в 1900-е гг. она проявляется с новой силой — как в прозе, так и особенно в исторической драматургии. Это связано и с тем, что в последнее десятилетие жизни Стриндберга у него снова нарастают боевые демократические тенденции, он опять во все большей мере открыто выступает как представитель угнетенных классов.

4. Сложность творческого пути Стриндберга определяется в значительной степени тем, что он, как он сам себя определял, был «человеком переходного времени», ясно видел необходимость радикального преобразования существующего общества, ощущал приближение этого преобразования, но порой абсолютизировал переходность и изменчивость окружающего мира, воспринимая ее не как конкретно-исторический социальный процесс, а как некий общий иррациональный закон бытия.

II. СЕКЦИЯ ИСТОРИИ

О. К. ТИМАШКОВА

Кандидат экономических наук
(Москва)

КРИТИКА ШВЕДСКОГО РЕФОРМИЗМА И «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА»

1. Шведские социал-демократы более 30 лет находятся у руля государственной власти. В отличие от большинства других реформистских партий Западной Европы они прочно удерживают свои парламентские позиции и сохраняют влияние на широкие массы. За социал-демократов голосует более половины всех избирателей. Реформистская идеология стала в Швеции преобладающей. Она распространена не только среди буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, но и среди значительной части рабочего класса.

2. В официальной социал-демократической пропаганде Швеция рисуется как «государство благосостояния», где постепенно усилиями правящей партии происходит «выравнивание доходов», сглаживание классовых противоречий и строится «демократический социализм особого скандинавского типа».

Основным средством «трансформации капитализма в социализм» изображается реформистская практика правящей социал-демократической партии, в результате чего уже в рамках буржуазной экономики якобы возникают «элементы социализма» и общество пронизывается «социалистическими идеями».

3. Анализ теорий и практики шведской социал-демократической партии показывает, что проводимые реформы не вызывают каких-либо серьезных изменений ни в экономике, ни в политической надстройке общества, не затрагивают господства монополистической буржуазии.

Швеция была и остается буржуазной страной, где основой производства по-прежнему является капиталистическая собственность и эксплуатация наемного труда.

4. В своих ранних программах шведская социал-демократия заявляла о своей приверженности марксизму. Она выражала намерение взять власть в свои руки, преобразовать буржуазный строй и передать средства производства народу. Но по мере

того, как укреплялись парламентские позиции социал-демократов, все скромнее становились их программные требования, которые в конечном счете свелись лишь к пожеланиям отдельных улучшений буржуазных порядков в рамках существующего буржуазного строя.

Принятая в июне 1960 года новая программа социал-демократической партии Швеции даже на словах уже не посягает на капиталистический строй с его частной собственностью на средства производства. Основным путем развития провозглашается «третий» или средний путь, в основе которого лежит «смешанная экономическая система», якобы сочетающая частные и государственные формы собственности. В программе вообще снят с повестки дня вопрос о национализации. Социалистическая же фразеология сохранилась лишь как дань традициям шведского рабочего движения.

Скандинавский реформистский социализм — маленький и чистенький, респектабельный и благонамеренный, с его проповедью классового мира и отказом от революционных средств борьбы — вполне устраивает шведскую буржуазию.

5. Влияние социал-демократов на рабочих и служащих объясняется объективными факторами, вытекающими из особенностей развития Швеции и создающими весьма благоприятную питательную среду для распространения реформистской идеологии. «Уникальность» положения Швеции предопределили те особые условия, в которых приходилось действовать шведской социал-демократии как в период между двумя войнами, так и в послевоенные годы.

Рядовой швед идет за социал-демократами потому, что с их правлением он связывает существующий в стране сравнительно высокий жизненный уровень, прогрессивное трудовое и социальное законодательство, традиционный нейтралитет и политику неучастия в военных блоках и союзах.

Экономические и социальные реформы — умеренные, несомненно ограниченные, не выходящие за рамки буржуазного строя, но более широкие, чем те, на которые обычно идут стоящие во главе правительства буржуазные партии, — вот в чем «секрет» успехов шведской социал-демократии, притягательная сила их деятельности.

6. Шведские коммунисты поддерживают конструктивные мероприятия правительства, направленные на улучшение положения трудящихся; критикуя реформизм и реформистскую идеологию, сковывающую революционную активность масс, коммунисты не выступают против реформ как таковых. Но, в отличие от реформистов, они видят в реформах не самоцель, не панацею, врачующую все недуги капитализма, а средство мобилизации масс в борьбе за подлинный социализм.

7. Шведская действительность далека от идиллии. Правда, в силу определенной специфики положения Швеции классовые противоречия выступают здесь не столь выпукло и обнаженно, как в других странах капитала. Но они не сняты. Внутриполитическую жизнь определяет не провозглашенный реформистами «социальный мир», а классовая борьба. Именно высокая организованность рабочих, их солидарность в вопросах заработной платы, условий труда и социальных реформ заставили капиталистов пойти на уступки. В этом сила шведского рабочего движения. Но, обладая большими возможностями, оно расколото и разобщено многолетней реформистской пропагандой, сковано узкими рамками экономизма. Это ослабляет шведский рабочий класс, мешает ему подняться на борьбу против главного врага общества — монополистического капитала — трудящихся города и деревни.

Наиболее реакционные силы шведской буржуазии, выступая против коренных интересов трудящихся — разрядки международного напряжения, социального прогресса, — все откровеннее раскрывают свою антидемократическую сущность, все более отталкивают от себя широкие слои народа. Создаются объективно благоприятные условия для организации широкого демократического фронта, объединяющего рабочих, крестьян, служащих, мелких и даже средних предпринимателей, словом, всех тех, кто заинтересован в ликвидации власти монополий. Коммунистическая партия Швеции, исходя из нового соотношения сил в мире и существующих в Швеции конкретных условий, считает возможным передачу основных средств в руки народа и переход Швеции к социализму мирным, парламентским путем без гражданской войны.

Для осуществления этих задач необходимо объединение всех демократических сил, широкая демократизация экономической и общественной жизни. Под знаком решения этих задач будет проходить намеченный на июнь 1963 года XX съезд Коммунистической партии Швеции.

Г. Н. ПИРОГОВ

(Москва)

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В НОРВЕГИИ НА ТРЕТЬЕМ ЭТАПЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

1. Особенностью рабочего движения в Норвегии, как и в других скандинавских странах, является преобладающее влияние в нем социал-демократической партии. Норвежская рабочая партия, которая насчитывает сейчас около 200 тыс. членов, придерживается реформистской идеологии, считая в настоящее

время возможным строительство социализма в Норвегии путем постепенных реформ в рамках капиталистического общества на основе «сотрудничества» всех его слоев. Политика НРП пользуется поддержкой большинства рабочего класса страны, в котором существуют как сильные социалистические традиции, так и реформистские иллюзии. Устойчивость реформистских иллюзий объясняется продолжительным благоприятным экономическим положением страны, способствующим поддержанию относительно высокого уровня жизни, особенностями структуры рабочего класса, которая тормозит рост его сознательности (преобладание мелких предприятий, разбросанных по всей стране и др.), влиянием значительно увеличившейся массы служащих, более склонных к поддержке реформистской идеологии, а также воздействием мелкобуржуазной среды. Кроме того, влияние НРП на рабочие массы облегчается ее тесной связью с профсоюзами, охватывающими значительное большинство рабочих страны (до 90%).

Находясь около 30 лет у власти, НРП осуществила ряд важных мероприятий, которые позволили в определенной мере улучшить материальное положение трудящихся. За 75 лет своего существования НРП пустила глубокие корни в рабочем классе и является в глазах значительной его части традиционным выразителем интересов пролетариата.

Реформистская деятельность Рабочей партии не поколебала устоев капитализма в Норвегии. Решающую роль в экономике страны играет крупный монополистический капитал, процесс концентрации которого продолжается. Менее ста наиболее богатых семейств капиталистов прямо или косвенно контролируют $\frac{3}{4}$ национального богатства Норвегии. Прибыли капиталистов неуклонно возрастают. На долю государственного сектора приходится лишь треть национального дохода.

2. Коммунистическая партия Норвегии объединяет сравнительно небольшой передовой отряд рабочего класса и не оказывает пока определяющего влияния на развитие рабочего движения в стране. Ведя борьбу за коренные интересы норвежских трудящихся, Компартия разработала программу строительства социализма в Норвегии, учитывающую особенности развития страны и опыт мирового коммунистического движения на современном этапе. КПН, преодолевая сектантские ошибки в своей деятельности, выступает с лозунгом создания широкого фронта борьбы за мир и обеспечение национального суверенитета страны, за обновление и расширение демократии во всех областях жизни общества, для защиты и улучшения материальных и культурных условий жизни народа.

3. Третий этап общего кризиса капитализма проявился в Норвегии в расширении государственно-монополистических

тенденций, в усилении борьбы между монополиями. Обострилась борьба против внутренней и внешней политики правительства.

Благоприятная конъюнктура на внешних рынках способствовала росту производства во всех отраслях экономики Норвегии, хотя она и не избежала кризисных явлений в 1957—1958 гг. Широкие масштабы приняла капиталистическая рационализация и автоматизация производства, усилилась эксплуатация трудящихся. Эти обстоятельства привели к обострению экономической борьбы рабочего класса.

4. В условиях усиления идеологической борьбы между двумя лагерями лидеры НРП с середины 50-х годов встали на путь активизации пропаганды антикоммунизма. Особенно большой размах эта пропаганда получила в профсоюзах. Антикоммунизм и курс на сотрудничество с буржуазией, проводимый под лозунгом «единства всех слоев норвежского общества», привели Рабочую партию к постепенному пересмотру своей программы и отказу от провозглашенных ранее мероприятий, направленных на преобразование капиталистической экономики. На XXXVII съезде НРП в 1959 году была окончательно похоронена идея национализации. Правительство не осуществило также требования рабочих о предоставлении им права участвовать в управлении производством. Позиция НРП по вопросам внутренней политики все более сближалась с позициями буржуазных партий.

5. Антикоммунизм НРП особенно остро проявился в области внешней политики, которая определяется участием Норвегии в НАТО. Усилилась милитаризация страны. Правительство изменило свою позицию безусловного отказа от размещения в стране атомного оружия, что значительно увеличило риск вовлечения Норвегии в атомную войну. В связи с этим в стране возросло сопротивление внешней политике правительства. Резко усилилось движение за мир. Значительная часть рабочих включилась в борьбу против размещения в стране атомного оружия, а также против планов вступления Норвегии в общий рынок.

6. Рост оппозиции внешней и внутренней политике руководства НРП привел к важному сдвигу норвежского рабочего движения влево. Основным проявлением этого сдвига явилось образование в 1961 году Социалистической народной партии, которая была создана группой левых членов НРП, выступавших против политики ее руководства еще со времени вступления Норвегии в НАТО. СНП требует последовательного осуществления реформ, направленных на строительство социализма в Норвегии, а также выхода страны из НАТО и проведения миролюбивого внешнеполитического курса.

Борьба левого крыла в норвежском рабочем движении ослаблена, однако, тем, что Социалистическая народная партия высту-

пает против сотрудничества с коммунистами. Тем не менее усиление левых сил в норвежском рабочем движении способствует борьбе за осуществление программы, выдвинутой Компартией Норвегии.

А. С. КАН

Кандидат исторических наук
(Москва)

ШВЕДСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Во второй половине 1930-х годов Швеция, как и другие страны Северной Европы, оставаясь членом Лиги наций, существенно ограничила свое участие в мероприятиях Лиги. Возвращение скандинавских государств к изолированному и пассивному нейтралитету поощрялось агрессивными фашистскими державами и осуждалось демократической общественностью северных стран, а также сторонниками укрепления системы коллективной безопасности, в первую очередь Советским Союзом.

2. Швеция энергичнее других скандинавских государств готовилась к отпору возможному агрессору и соглашалась на военное сотрудничество, по крайней мере, с одним из своих северных соседей — Финляндией в деле обороны Аландских островов.

Во время московских переговоров Англии, Франции и СССР шведское правительство, приветствуя организацию «фронта мира», вместе с тем поощряло Финляндию и прибалтийские государства к отклонению гарантий великих держав.

3. Нейтралистская позиция Швеции в начале второй мировой войны не подвергалась серьезной угрозе ни со стороны воюющих держав, ни изнутри — политика нейтралитета поддерживалась всем народом. Главной проблемой для шведского правительства стало заключение торговых соглашений с Англией и Германией, занимавших ведущее место в довоенной внешней торговле Швеции и господствовавших с начала войны на ее морских коммуникациях. Такие соглашения были заключены на сравнительно выгодных для Швеции условиях еще до конца 1939 года.

4. В советско-финляндском конфликте Швеция заняла позицию невоюющей державы. Такая позиция сильно ухудшила перспективы сохранения нейтралитета. Швеция оказала Финляндии большую материальную поддержку, чем любая другая держава. Но добровольческое движение в Швеции большого размаха не получило. Вместе с тем шведское правительство до и во время советско-финской войны подчеркивало нежелание

Швеции быть втянутой в эту войну и всячески способствовало возобновлению мирных контактов между СССР и Финляндией.

5. Зимой 1939—40 года западные державы предприняли ряд попыток втянуть Швецию в войну против гитлеровской Германии, используя для этого общие интересы Швеции и западных держав в отношении Финляндии. Германское правительство, не возражая против изолированной шведской помощи Финляндии, решительно протестовало против совместных акций Швеции и западных держав. Шведское правительство, опасаясь вовлечения в советско-финскую и в европейскую войну, категорически отклонило просьбы Финляндии и западных держав о пропуске англо-французских воинских частей через Швецию в Финляндию и о посылке в Финляндию своих собственных воинских частей. Тем самым Швеция в известной мере повлияла на принятие Финляндией советских мирных условий. Московский мирный договор 12 марта 1940 года вновь упрочил предпосылки шведского нейтралитета.

6. Шведское правительство знало о предстоящей германской агрессии в Скандинавии, но было успокоено гарантиями, данными с германской стороны. К отпору фашистской агрессии в апреле 1940 г. Швеция не была готова. Предотвращению германского вторжения способствовал демарш Советского правительства в защиту Швеции. Позиция строгого нейтралитета, занятая Швецией во время норвежской кампании, была благоприятной для Германии и разочарованием для ее противников, напрасно ожидавших от Швеции акта скандинавской солидарности. Позиция Швеции в последние дни операции в Норвегии ухудшила шведско-норвежские отношения, но не оказала серьезного влияния на исход кампании.

7. С капитуляцией Франции усилилась зависимость Швеции от фашистской Германии, что проявилось в июльском соглашении 1940 г. о транзите германских военнослужащих из Норвегии через Швецию, а также в новом торговом соглашении.

Швеция не приняла участия в планах экономической реорганизации Европы на основах «нового порядка» и осталась важным центром информации для союзников.

8. Нападение Германии и Финляндии на СССР повлекло за собой новые отступления Швеции от строгого нейтралитета. Однако гитлеровское командование не добилось прямой помощи Швеции в войне против СССР. Уже в декабре 1941 года, после контрнаступления Советской Армии под Москвой, шведы заняли несколько более жесткую позицию в отношении Германии и Финляндии. В связи с ухудшившимися шведско-германскими отношениями и планами западных союзников насчет новой высадки в Норвегии находилась и военная тревога в феврале 1942 года. Однако гитлеровская агрессия против Швеции не

состоялась, как по причине отсутствия нужных резервов в связи с тяжелыми боями на Востоке, так и вследствие возросшего к 1942 году военного потенциала Швеции.

9. После вступления в войну США усилился экономический нажим западных союзников на Швецию. Отражением возросшей заинтересованности Швеции в урегулировании отношений с ними была миссия генерального секретаря МИД Швеции Бухемана в Лондон и Вашингтон осенью 1942 года. Западные союзники предъявили Швеции целый ряд экономических требований, главным из которых было — сократить торговлю со странами фашистского блока. Попытки шведского правительства улучшить взаимоотношения с Англией и США не сопровождались соответствующими его шагами в отношении СССР.

С осени 1942 года усилились антифашистские выступления шведской печати, ее критические замечания в адрес правительства. Одновременно были введены некоторые ограничения для немецкого транзита. Но главное значение в определении позиции Швеции имел разгром фашистских войск на Волге и наступательные операции союзников в Африке.

10. С зимы 1942/43 года усилилось осуждение прогерманского характера шведского нейтралитета со стороны шведской печати, отражавшей настроения масс. Шведское правительство стало все чаще демонстрировать свое желание восстановить строгий нейтралитет. Во время военной тревоги в начале 1943 года (в связи с германскими контрпланами на случай союзнической высадки в Норвегии) шведское правительство уже демонстрировало свою мобилизационную готовность и волю к отпору фашистским захватчикам. Летом 1943 года шведское правительство благодарило Советское правительство за успехи Советской Армии, спасающие шведский нейтралитет. Англо-шведско-американские переговоры закончились подписанием экономического соглашения в сентябре 1943 года. Еще до подписания соглашения Швеция объявила о прекращении с августа 1943 года транзита немецких отпускников и военных материалов через свою территорию. Последнее экономическое соглашение с Германией — в январе 1944 года — содержало новые уступки шведам со стороны ослабевшего рейха.

11. Со второй половины 1943 года Швеция нормализовала свои отношения с рядом эмигрантских правительств оккупированных стран (особенно Норвегии), разрешила подготовку «полицейских» соединений Дании и Норвегии на своей территории. С 1944 года шведские власти установили контакт с движением Спротивления в скандинавских странах и разрешили тайный ввоз туда оружия. С 1943 года шведское правительство добивалось выхода Финляндии из войны и способствовало установлению советско-финских мирных контактов. Условия советско-

финского перемирия (4 сентября 1944 г.) способствовали дальнейшему улучшению советско-шведских отношений.

12. На протяжении 1944 года Швеция вводила все новые ограничения германского транзита. В это время вновь усилилось давление западных союзников, особенно США, на Швецию с целью пересмотра сентябрьского соглашения 1943 года и решительного сокращения шведско-германской торговли, что и было сделано летом 1944 года. С осени шведско-германская торговля прекратилась. Германские активы в Швеции еще раньше были блокированы. Шведское правительство совершало теперь нарушения нейтралитета в пользу Объединенных наций (транзит англо-американского вооружения для движения Сопротивления в Дании и Норвегии).

Несмотря на некоторые осложняющие моменты, продолжали улучшаться советско-шведские отношения.

Г. И. АНОХИН

(Москва)

ОБЩИННЫЕ ТРАДИЦИИ НОРВЕЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

1. На протяжении всей своей истории Норвегия оставалась крестьянской страной. Она не знала крепостного права и элементы дофеодальных отношений в течение всего средневековья, вплоть до нового времени, проявляли чрезвычайную живучесть. В то же время отсутствие крепостного права не исключало развития феодализма в Норвегии.

2. Для средневековой Норвегии, особенно для её раннего периода, было типично три формы землепользования: алменнинг, удэль и эйе или кауплани. Они возникли в следующей исторической последовательности:

В период окончательного перехода древних норвежцев к оседлому земледелию и скотоводству во II—VI веках н. э. все обрабатываемые и необрабатываемые земли и угодья — горные пастбища, леса, воды рек, озер и прилегающего моря — находились в общем пользовании родовых общин. Такая общая или общинная земля носит название алменнинг.

Гористый рельеф расчленяет страну на множество изолированных друг от друга районов. Это способствовало тому, что большие патриархальные семьи, проживающие отдельными усадьбами (гордами), после выделения из рода, занимались земледелием порознь. Такие производственные коллективы образовали семейные общины, а их пашни — удэль — стали наследственной собственностью этих больших семей. Существовали определенные правила признания земли удэлем.

После начала разложения большой семьи удэль все чаще становится собственностью одного наследника — главы одной малой семьи. Другие наследники нередко вообще оставались безземельными. Даже в случае продажи удэля наследником родственники не всегда имели материальную возможность использовать преимущественное право покупки или выкупа, и тогда удэль превращался в обычную покупную землю — эйе или каупланн. Впрочем, большая семья в ряде мест в Норвегии сохранилась до XIX века. С большой, а нередко и с малой семьей до новейшего времени бытует и удэль.

3. Отношения на алменнинге между отдельными хозяйствами сначала больших семей, а затем малых, строились как отношения в соседской общине. Общинная собственность порождала общность работ, коллективное решение вопросов в быту и на праздниках, обязанность общинной взаимопомощи и являлась основой для общинного самоуправления.

К делам органа общинного самоуправления относилось: использование общинной земли, сохранение общих интересов общинников на ней, защита интересов общинников от посягательства посторонних — не членов данной соседской общины и от королевских чиновников, разрешение внутренних конфликтов. С середины XVII века король пытается ликвидировать общинное самоуправление, но ему удается лишь ограничить его.

К формам общинной взаимопомощи относилась взаимопомощь трудом (дугнад) на весновспашке, посеве, сенокосе, сборе урожая, строительных и ремонтных работах в усадьбе общинника, взаимопомощь в семейном быту (белаг) при организации крестин и свадеб, а также на похоронах.

4. С середины XIX века Норвегия переживает процесс бурного капиталистического преобразования. В среде крестьянства наблюдается ускоренная классовая дифференциация. С одной стороны укрепляется прослойка зажиточного крестьянства и кулачества — стурбондов, с другой — растет процент малоземельных крестьян — смобрюкеров, которые сезонно занимаются отходничеством на лесоразработках и на рыбной ловле, а также процент мелких арендаторов и батраков — хусманнов, домашних работников.

Во второй половине XIX — первой половине XX века земли по их использованию разделяются на следующие категории: удэль, эйе, алменнинг и земли, зачастую непригодные для земледелия и скотоводства, составляющие государственный фонд. В отмеченный период между удэлем и эйе существует лишь символическая, но не фактическая разница.

5. По форме пользования общинная земля подразделялась на три категории:

алменнинг как совместные уголья (хопатејгер) всех членов

соседской общины (обычно горные пастбища и леса, не имеющие строительного значения);

алменнинг как обменные угодья (бютестейгер), которые идут в пользование попеременно по кругу держателей-общинников (обычно сенокосные угодья);

алменнинг под распашкой (рюднинг) в длительное пользование, однако без перехода его в частную собственность распашавшего.

С 1857 года огороженные участки распашанного алменнинга согласно закона стали переходить в частную собственность, и этот процесс перехода в частную собственность в ряде мест затянулся до наших дней. Некоторая часть алменнинга осталась и ныне совместными или обменными угодьями общинников. В лесных районах многие земли алменнинга перешли в ведение возникших из общинников капиталистических артелей по разработке леса, в которых ведущую роль в руководстве делами и в получении прибылей стали играть стурбонды.

6. Общинные традиции норвежского крестьянства живы и в наши дни. Сохраняется общность многих видов общинных работ, постоянное коллективное решение вопросов, связанных с пользованием алменнингом, обязанность общинной взаимопомощи — дугнад и беллаг, некоторые формы общинного самоуправления — собрание общины (гардстинг) и выборный уполномоченный общины (гардсфют).

7. Значение изучения форм землевладения и общины в Норвегии, особенно соседской общины, определяется тем, что последняя была основной производственной ячейкой норвежской деревни в течение длительного исторического периода, от раннего средневековья, когда большая патриархальная семья разлагалась на малые семьи и уже возникло раннефеодальное государство, и почти до конца прошлого столетия. Без этого невозможно понять самых существенных черт социально-экономического развития страны и тех пережиточных видов общинного права, которые живут и действуют ныне, отчасти в виде бытующих еще форм общинной собственности, а также в виде общинных традиций.

В. Б. ВИЛИНБАХОВ

Кандидат исторических наук
(Ленинград)

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ТЕОРИИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СТАРОЙ ЛАДОГИ

1. С проблемой возникновения Ладogi непосредственно связана теория проф. А. Стендер-Петерсена о земледельческой колонизации скандинавами северо-западных районов Восточной

Европы. Эта теория, по существу, является продолжением работ английских ученых Н. Чэдвика и С. Кросса, и в своих общих чертах тесно связана с гипотезами современных западно-немецких ученых по истории «Дранг нах Остен».

2. Славянская колонизация северо-западных земель Восточной Европы начинается с рубежа VI в. н. э. Это было бурное продвижение сравнительно небольших групп между массивами местного финно-угорского населения. Чрезмерное сходство памятников кривичей и новгородских словен с западно-славянским археологическим материалом позволяет предположить, что они появились на Псковщине и в Приильменье не из области среднего Приднепровья, а непосредственно из западно-славянских земель.

3. Земляное городище Ладога — многослойный памятник, с довольно сложной стратиграфией. Характерным для него является то, что жилые постройки древнейшего горизонта «Е» резко отличаются от сооружений последующих слоев. Это различие дало А. Стендер-Петерсену основание предполагать что здесь имела место этническая смена населения. Открытие постройки переходного типа (раскопки 1958 г.), однако, служит опровержением этого тезиса и дает право говорить о том, что никакой этнической смены населения в Ладоге не происходило.

Характерные для Ладоги жилые постройки — большие родовые дома — имеют многочисленные аналогии у кривичей и среди различных племен западных славян.

Для датировки и определения этнической принадлежности нижнего горизонта городища преимущественное значение имеют керамика и бусы. Сосуды цилиндрической формы, находимые здесь, характерны для раннеславянских памятников западных славян, длинных курганов Псковщины, а также памятников верхнего Приднепровья и Белоруссии. Сосуды отвесно-биконической формы с ребром аналогичны сосудам, найденным на Банцеровском городище. Наиболее распространенной в нижнем горизонте керамикой являются широкогорлые биконические сосуды. Подобные сосуды находят многочисленные аналогии в керамике раннеславянских памятников середины I-го тысячелетия н. э. на территории Польши, Германии, Поморья и Чехии. Чрезвычайно близки по формам к широкогорлым биконическим сосудам керамика среднего культурного слоя Банцеровщины и аналогичных городищ Смоленской области, датированные V—VIII вв.

Бусы нижнего горизонта Ладоги имеют весьма широкий ареал распространения и не являются характерными для какой-либо определенной этнической группировки. Всесторонний анализ; с привлечением материалов Салтовского и Шамбовского

могильников, позволяет говорить о том, что сочетание бус нижнего горизонта ладожского городища соответствует VIII—IX вв.

Благодаря всем этим материалам нижний горизонт «Е» Ладоги достаточно точно датируется VII—IX вв., что находит подтверждение в находках восточных монет и в анализе могильных памятников, окружающих городище. Весь материал, характерный для горизонта «Е», делает несомненным славянское происхождение древнейшего горизонта Ладоги и полностью опровергает предположения А. Стендер-Петерсена.

4. Имеются все основания связывать возникновение Ладоги с Балтийско-Волжским торговым путем. Балтийско-Волжский путь — важная международная торговая артерия VII—X вв. Массовое проникновение арабского серебра в Европу. Процесс разложения родо-племенного строя на берегах Балтийского моря. Участие балтийских славян в торговле с Востоком. Ладога в цепи опорных пунктов балтийских славян на торговом пути с Востоком.

Культура ладожан несомненно сложилась где-то в другом месте и была перенесена на берега р. Волхова уже в сравнительно развитых формах. Большое количество ладожских материалов аналогично находкам в славянских землях. Керамика. Прямые перстни. Изделия из кости и рога. Характер погребальных памятников. Все это неоспоримо свидетельствует о тесных связях между населением Ладоги и славянским Поморьем и противоречит гипотезе А. Стендер-Петерсена, поскольку, если говорить о колонизации Приладожья, то, скорее всего, можно предполагать, что эта область первоначально была освоена пришлыми элементами не из Скандинавии, а из земель балтийских славян, основавших здесь на рубеже VII—VIII вв. свое поселение.

А. Я. ГУРЕВИЧ

Доктор исторических наук
(Калинин)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НОРВЕЖСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

1. Норвежский феодализм возник на основе разложения общинно-родового строя, вне синтеза с разлагавшимся рабовладельческим строем, что во многом предопределило его характерные черты; поскольку же переход от первобытно-общинной формации к феодальной имел место и во многих других странах, изучение особенностей норвежского (и вообще скандинавского) феодализма приобретает более широкий интерес для науки.

2. В историографии преобладает точка зрения, отрицающая феодализм в Норвегии вплоть до XIII—XIV вв. Отношение лейлендингов к земле истолковывается как простое арендное отношение, — в противоположность зависимости крестьян других стран средневековой Европы.

3. Отсутствие крепостной зависимости отнюдь не исключало существования феодализма, который в конкретных исторических условиях принимал самые различные формы. Проблема заключается прежде всего в выявлении характера и особенностей феодальной зависимости норвежских крестьян-лейлендингов.

4. Особенности положения лейлендингов определялись комплексом причин. Среди них следует выделить: ограниченную роль земледелия в Норвегии; невозможность, при преобладании хуторского хозяйства, создания барщинного поместья; устойчивость пережитков общинно-родового строя с присущими ему отношениями собственности, известную многоукладность норвежского общества; относительную слабость господствующего класса, лишенного многих средств внеэкономического принуждения, которые находились в руках феодалов в других государствах.

5. Неразвитость барщины и преобладание ренты продуктами, уплачивавшейся лейлендингами в пользу земельных собственников, характерны для общества, в котором отсутствует развитие разделение труда и господствует натуральное хозяйство.

6. Особенности положения лейлендингов в Норвегии заключались, во-первых, в том, что они были лишены прочных прав на земельные участки; в условиях сохранения держателями личной свободы и при обособленности их хозяйств юридическая необеспеченность держания служила землевладельцам гарантией сохранения за ними собственнических прав на землю.

7. Вторая особенность положения лейлендингов — их личная свобода. Но как и всё норвежское крестьянство, утратившее к XII—XIII вв. свое бывшее полноправие, лейлендинги обладали лишь неполной свободой и не были равноправны с хольдами, лендрманами и представителями других социальных слоев, за счет которых формировался господствующий класс; отсутствие собственной земли было источником дополнительного ограничения личных прав лейлендингов.

8. В этой связи возникает проблема: какова была сущность личной свободы крестьян в условиях феодальной государственности, являлась ли она простым пережитком предшествовавшей формации или же включалась в господствовавшую в средние века в Норвегии систему производственных отношений и выпол-

няла в ней определенную функцию? Эта свобода, не состоявшая более в полноправии, — ущербная, — играла в феодальный период двойственную роль: с одной стороны, частичное ее сохранение избавляло крестьян от полного бесправия и забитости, столь характерных для крестьянства средневековой Европы, и даже давало им возможность принимать некоторое участие в местном управлении; с другой стороны, сама эта свобода при феодальном строе неизбежно перерастала в известную степень зависимости, использовалась государственной властью для эксплуатации крестьян в форме государственных повинностей. Эта вторая сторона с развитием классового общества становилась определяющей положение бондов.

9. Эксплуатация бондов государственной властью (посредством сбора «кормлений» и податей, принуждения к несению воинской, судебной, сторожевой, гужевой, строительной и иных повинностей, предоставление постоя и т. п.), которая приобрела большое значение в системе феодальных отношений в Норвегии, отрицательно сказывалась на хозяйственной деятельности крестьян, препятствовала укреплению крестьянского хозяйства. Это обстоятельство следовало бы учитывать при анализе причин экономического упадка Норвегии с конца XIII и в XIV в.

10. Особенности положения норвежского крестьянства и его эксплуатации предопределяли и своеобразие отношений внутри господствующего класса и характер государства: ленная система сохраняла государственно-правовую окраску; отсутствовал развитой вассалитет; господствующий класс после окончания гражданских войн группировался вокруг королевской власти. Важной ролью, которую играло государство в Норвегии в системе феодальной эксплуатации, объясняются и формы социальной борьбы в этой стране в средние века: выступления масс направлялись, в первую очередь, против королевской власти и ее аппарата.

11. Изучение характерных черт социально-экономического строя средневековой Норвегии дает основание говорить не только о незавершенности феодализма (ибо незавершенность эта оставалась ей присущей на протяжении всего средневековья), но — и прежде всего — о своеобразии норвежского феодализма, своеобразии, в большой мере наблюдаемом и в других странах Северной Европы.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОРОДОВ В ПЕРИОД ШВЕДСКОГО ГОСПОДСТВА В XVII ВЕКЕ

1. Города восточной Прибалтики играли в XVII веке значительную роль в торговле на Балтийском море. В условиях отрезанности России от Балтийского моря они имели крупное значение в транзитной торговле со странами Запада.

2. При исследовании торговли этих городов в XVII веке ценным источником являются таможенные книги и другие документальные материалы таможен, позволяющие сделать статистические подсчеты по вопросам этой торговли.

3. Существенной проблемой в исследовании торговли прибалтийских городов является вопрос о ее объеме и тенденции развития. Данные о прибывавших и выбывавших кораблях, о таможенных сборах, а также о ввозе и вывозе отдельных товаров свидетельствуют о значительном росте торговли городов восточной Прибалтики в течение рассматриваемого периода. Первой кульминационной точкой в этом развитии было начало 50-х годов XVII века; второй — конец века. Особенно быстрыми темпами росла торговля гор. Нарвы.

4. Только за 1683 год имеются непосредственные данные о стоимости ввозимых и вывозимых товаров, на основе которых можно подсчитать в тогдашней валюте стоимость торговли отдельных прибалтийских городов: из Риги было вывезено товаров на сумму 1 319 871 риксдалеров, из Пярну на сумму 22 686 риксдалеров и из Таллина в первой половине того же года на сумму 135 081 риксдалеров. В том же году в Ригу было ввезено товаров на сумму 495 943 риксдалера, в Пярну — на сумму 12 793 риксдалеров, в Таллин, в первой половине того же года, — на сумму 84 600 риксдалеров.

5. Самым существенным фактором в развитии торговли было развитие производительных сил. Увеличение торговых оборотов гор. Нарвы было обусловлено, прежде всего, развитием русской транзитной торговли. Отрицательное влияние на развитие торговли оказали войны как в самой Прибалтике, так и в Западной Европе.

6. Документальные материалы таможен дают ценные данные также о роли различных стран и городов Запада в прибалтийской торговле. В нарвской торговле ведущую роль играл Любек (наибольшая доля в ввозе 1666 г. — 78,3%, в вывозе в 1672 г. — 74,1%). В то же время Таллин и Пярну имели самые

тесные торговые связи с Амстердамом. К концу XVIII века увеличилась доля Англии в вывозе из Прибалтики.

7. Ведущую роль среди прибалтийских городов в морской торговле играла Рига, которая давала 47,1—73,8% доходов от «портория» (вида таможенных сборов). Далее следует соответственно Таллин, Нарва и Пярну. В течение века увеличивается удельный вес Нарвы, хотя ее торговля и не достигла уровня 1560-х гг., когда этот город во время Ливонской войны являлся русским портом.

8. Среди различных предметов торговли в вывозе Таллина и Пярну на первом месте по стоимости было зерно (в 1683 году соответственно 83,7% и 68,4%), в вывозе же Риги — лен и пенька (в 1683 году 51,6%).

9. Статистические подсчеты относительно торговли городов восточной Прибалтики дают нам ценные данные для исследования многих проблем социально-экономической и политической жизни Прибалтики и соседних с нею стран.

Г. А. НЕКРАСОВ

Кандидат исторических наук
(Москва)

ПРОБЛЕМА РУССКО-ШВЕДСКОГО СОЮЗА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

1. В результате победы в Северной войне (1700—1721 гг.) Россия получила выход в Балтийское море и обеспечила себе возможность постоянных экономических, политических и культурных контактов с любым государством Европы.

По Ништадскому договору (1721 г.) балтийская проблема в территориальном отношении была решена, однако она не потеряла своей актуальности и после окончания Северной войны. Международное положение России как великой европейской державы определялось прочностью и устойчивостью ее политических, экономических и военно-стратегических позиций на Балтийском море.

2. После Ништадского мира основной внешнеполитической задачей русского правительства на севере Европы было закрепить за Россией прибалтийские провинции, сохранить *status quo*, развить балтийскую и европейскую торговлю и парализовать возможность новой агрессии феодальной Швеции с целью пересмотра Ништадского договора.

Главным средством для осуществления этой задачи русское правительство считало не только развитие дружественных отношений со Швецией, но и заключение с нею военно-политического

союза, который, наряду с Ништадтским трактатом, должен был послужить незыблемой основой безопасности северо-западных рубежей России и базой для укрепления ее международного положения.

3. Идея русско-шведского союза зародилась еще в конце Северной войны, во время Аландского мирного конгресса (в 1718 г.). На его заседаниях русские уполномоченные добивались не только примирения со Швецией и урегулирования территориальных споров, но и подготавливали почву для заключения с нею союзного трактата.

Мысль о необходимости дружбы и союза, повторенная в главных чертах на Ништадтском конгрессе, была закреплена (в феврале 1724 г.) в Стокгольмском союзном договоре, упрочившим политическое и стратегическое положение России на Балтике и в Восточной Европе. Послужив делу мира на севере, этот договор позволил России также обезопасить свой тыл на случай турецкого нападения и этим укрепить ее позиции в Турции.

Военно-политический союз России со Швецией являлся основой курса Русского государства по отношению к Швеции на протяжении всего XVIII в.

4. Заключить Стокгольмский договор удалось русской дипломатии благодаря умелому использованию тогдашних особенностей государственного устройства Швеции и ее внутривнутриполитических противоречий. Русское правительство опиралось в Стокгольме на гольштинскую партию, ориентировавшуюся на Россию и Гольштению. И когда на сессии риксдага в 1723 г. усилились абсолютистские стремления короля Фредрика I, угрожавшие шведской форме правления (монархии, ограниченной сословным риксдагом и олигархическим феодально-аристократическим Государственным советом), то члены двух феодально-дворянских партий — гольштинской и партии «патриотов» — блокировались между собою, усилив таким образом враждебный королью фронт, а вместе с тем и позиции русской дипломатии в Стокгольме. Объединившиеся партии склонились к политическому союзу с Россией, обещавшему гарантию шведской форме правления (со стороны царского правительства) и укреплявшему упавший в годы Северной войны международный престиж Швеции. Кроме того, шведские политики тайно надеялись вернуть в будущем Восточную Прибалтику с помощью династического брака гольштинского герцога Карла-Фридриха (претендента на шведский престол) с дочерью Петра I — Анной Петровной.

5. В борьбе за укрепление экономического и политического влияния России на Балтийском море и в качестве вспомогательного средства для упрочения русско-шведского союза русское правительство использовало в 20-х гг. XVIII в. гольштинский вопрос.

Гольштиния служила тогда для политических кругов России одним из опорных пунктов в Северной Германии, а сам гольштинский вопрос — удобным «орудием» дипломатического нажима на Швецию, Данию и другие державы: русское правительство использовало претензии гольштинского герцога (на шведский престол и на Шлезвиг, захваченный Данией) при реализации своей балтийской внешнеполитической программы.

Но в правление Екатерины I гольштинский вопрос временно стал превращаться в самодовлеющую цель внешней политики царского правительства, окрашивая ее подчас в угрожающие тона.

6. Активная поддержка лично Екатериной I интересов своего зятя — гольштинского герцога (в 1725—1726 гг.) осложняла и обостряла отношения России с рядом европейских держав (выступавших против ее усиления на Балтике), а также отвлекала русское правительство от разрешения более важных проблем, возникших в связи с большими затруднениями для него на юге (в Турции и в Персии).

7. Раскол Западной Европы в 1725 г. на два противоположных лагеря — Венский и Ганноверский союзы — обострил политическую борьбу, сопровождавшуюся усиленной подготовкой к открытию военных действий. Обе враждующие группировки держав стремились вовлечь в свои блоки новые государства (Россию, Швецию, Данию и др.). Гольштинский вопрос, осложнив отношения России со Швецией и Данией, ослабил русско-шведский союз и привел к присоединению вначале Швеции (в марте 1727 г.), а затем и Дании (в апреле 1727 г.) к враждебному России Ганноверскому блоку. По акту присоединения к этому союзу Швеция получила от Англии и Франции не только политическую поддержку, но и значительные денежные субсидии, использовавшиеся для восстановления военного потенциала феодальной Швеции, стремившейся вернуть Восточную Прибалтику.

Временный разрыв русско-шведского союза явился серьезным дипломатическим поражением правительства Екатерины I; благодаря этому разрыву на Балтике образовалась враждебная коалиция держав.

8. Если на отдельных этапах русско-шведских отношений тенденция шведского реванша и приглушалась, уступая место кратковременной и с большим трудом достигаемой стабилизации мирных, добрососедских связей (как это было, например, в 1722—1726 гг. или в начале 30-х гг. XVIII в.), то в остальное время наблюдалась неустойчивость внешнеполитической линии шведского правительства. Агрессивные круги Швеции вздыхали об утраченном господстве на Балтийском море и выжидали под-

ходящую внешнеполитическую ситуацию для возвращения Восточной Прибалтики.

Падение правительства А. Горна в риксдаге 1738—1739 гг. и победа реваншистской партии «шляп» явились прямыми поворотом в политике шведского государства. С этого времени началась непосредственная дипломатическая и военная подготовка агрессии против России, закончившаяся войной 1741—1743 гг. и новым поражением Швеции.

Л. К. РООТС

Кандидат исторических наук
(Тарту)

О РАБОТАХ ДАТСКИХ ИСТОРИКОВ ПО ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТИНСКОМУ ВОПРОСУ

1. Шлезвиг-гольштинский вопрос, являвшийся сложным и спорным вопросом в истории Дании на протяжении нескольких веков, достиг своего кульминационного развития в XIX веке.

Шлезвиг-гольштинский вопрос имел два аспекта: во-первых, это была борьба европейских держав за экономические и стратегические позиции в бассейне Балтийского и Северного морей; во-вторых, он являлся частью проблемы объединения Германии в единое национальное государство.

2. Датские буржуазные историки в своих трудах по шлезвиг-гольштинскому вопросу (книгах и статьях в историческом журнале «Historisk Tidsskrift») вносят определенный вклад в изучение фактического материала. Но отрицание объективной закономерности исторического процесса приводит к трактовке событий с субъективистских позиций (рассмотрение шлезвиг-гольштинского вопроса с севера, в противовес немцам, рассматривающим его с юга и др.).

3. Под влиянием германской революции 1848 года немецкое население Гольштейна и Южного Шлезвига поднялось на борьбу за освобождение из-под власти Дании. Но в результате датско-прусской войны и вмешательства европейских держав герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург были снова поставлены под власть датского короля.

В работах датских историков Х. Хьелхолта (H. Hjelholt), Е. Петерсена (E. Petersen) и других, посвященных Южной Ютландии во время войны 1848—1849 годов, деятельности мартовского министерства, вопросу о проектах раздела Шлезвига в 1848 году, возникновению объединенного правительства герцогства, и также ряду других вопросов, использован некоторый

новый материал из личных архивов деятелей того времени и дипломатической переписки.

4. Датско-германский конфликт, обострившийся в 1863 году на общем фоне напряженного международного положения, привел в 1864 году к датско-австро-прусской войне, закончившейся потерей Данией герцогства. Этому вопросу посвящены работы доктора философии Е. Мёллера (E. Møller) о падении объединенного государства, о позиции Англии в датско-германском конфликте и другие.

5. Аннексия Пруссией Северного Шлезвига в 1864 году послужила причиной, породившей шлезвигский вопрос, который профессорами А. Фриисом и Т. Финком рассматривается как вопрос о борьбе за воссоединение Северного Шлезвига с Данией.

На основе плебисцита в 1920 году Северный Шлезвиг был воссоединен с Данией.

6. После второй мировой войны западные империалисты пытались поднять южно-шлезвигский вопрос и использовать его во взаимоотношениях с Данией и Западной Германией.

Составленные датскими и западно-германскими историками тезисы «К истории и проблематике датско-германских отношений» (Zur Geschichte und Problematik der danisch-deutschen Beziehungen. Braunschweig, 1958), по мнению их авторов, являются попыткой стать ближе к историческим фактам и исправить немецкие и датские учебники в духе добрососедства.

7. Книга профессора Т. Финка «История шлезвигской пограничной области» (Troels Fink, Geschichte des schleswigschen Grenzlandes. København, 1958), издана на немецком языке и для немецкого читателя. В этом исследовании по истории Шлезвига с древнейших времен по 1955 год автор ставит своей целью рассмотреть историю пограничной области с севера.

Говоря о шовинистическом движении за присоединение Южного Шлезвига к Дании и об англо-датских переговорах по данному вопросу автор проходит мимо массового движения протеста в 1948 году в Южном Шлезвиге против этих планов, за создание единой, демократической и мирной Германии.

8. Только всестороннее изучение истории шлезвиг-гольштинского вопроса на основе объективной закономерности может дать правдивое освещение рассматриваемой проблемы и помешать оправданию разжигания империалистами конфликтов между датским и немецким народами.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЭСТОНСКИХ И ФИНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ЭСТОНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (1878—1882)

1. В 60-е годы XIX в. финская буржуазия вела борьбу за дальнейшие буржуазные реформы, против национального гнета и неполноправия. Внутри страны она выступала против привилегий шведского высшего чиновничества, шведской буржуазии, против доминирующего положения шведского языка. Борьбу за большую национальную независимость финская буржуазия вела реформистскими путями и не пошла на сближение с русской революционной демократией, хотя А. Герцен и Н. Огарев готовы были поддержать финское освободительное движение.

2. В поисках союзников лидеры финской буржуазии (в первую очередь Ю. С. Юрьо-Коскинен) в середине 60-х годов обратились к деятелям эстонского национального движения, надеясь найти у них сочувствие своим сепаратистским стремлениям. У консервативного Юрьо-Коскинена и его единомышленников (младофиннов) сложились дружеские отношения с консервативно-клерикальным направлением эстонского национального движения. Социально-политической программы же эстонских буржуазных демократов, искавших поддержки в прогрессивных кругах русского общества, младофинны не одобрили.

3. К концу 60-х годов младофинны добились значительного политического влияния в Финляндии, но их политика приобретала все в большей мере характер антирусского шовинизма. Младофинны продолжали питать надежду на возможность совместной «антирусской» политики эстонцев и финнов. В статье о поездке на первый эстонский певческий праздник в 1869 году, К. Т. Сван и Ю. Р. Аспелин сочувственно писали о вековой борьбе эстонского народа против чужеземных захватчиков. Однако Аспелин советовал руководителям эстонского движения пойти на соглашение с немцами, чтобы совместно с последними выступить в защиту реакционного прибалтийского «особого порядка». Можно полагать, что советы Аспелина оказали известное влияние на консервативного редактора газеты «Ээсти Постимэс» И. В. Яннсена, заключившего предательское соглашение с лифляндским дворянством.

4. В 1871 году Финляндию посетил руководитель радикально-демократического направления эстонского национального движения К. Р. Якобсон, а несколько позднее И. В. Янсен. Делясь впечатлениями о поездке, Якобсон указывал на высокий

уровень сельского хозяйства и культурной жизни в Финляндии, считая это результатом того, что финский крестьянин является собственником своей земли и имеет равные с другими сословиями политические права. Якобсон призывал эстонский народ бороться за такие же свободы, которыми пользуются финские крестьяне.

И. В. Яннсен, торжественно принятый младофиннами, в своих последующих статьях также отмечал большие достижения финнов, но подчеркивал, что это является результатом мирного сотрудничества между высшими и низшими сословиями. По примеру Финляндии он призывал к внутреннему миру в Эстонии.

5. Острая борьба, которая разгорелась в 70-х годах между консервативным и радикально-демократическим направлениями эстонского национального движения, заинтересовала финских буржуазных деятелей. Прибывшие на второй певческий праздник в 1879 году финны наблюдали большую популярность Якобсона и его газеты «Сакала», а также враждебное отношение участников праздника к И. В. Яннсену. В статьях о празднике К. Т. Сван высказался положительно о стремлениях эстонских демократов и их вождя К. Р. Якобсона, осудив соглашательство Яннсена с немецким дворянством.

6. Группа финнов, прибывшая на 3-ий певческий праздник в Эстонию, смогла в 1880 году наблюдать раскол эстонского национального движения.

В Финляндии эстонские события вызвали широкую полемику. С поддержкой буржуазного демократа К. Р. Якобсона выступил К. Т. Сван, печатая свои статьи в местных газетах буржуазно-демократического направления. Эстонских консерваторов защищала партия Юрьо-Коскинена.

7. Финские консерваторы не ограничились газетной полемикой по эстонскому вопросу, но пытались оказать и фактическую поддержку своим единомышленникам. От имени младофиннов к К. Р. Якобсону обратился А. А. Борениус и пытался склонить его к отказу от антицерковной и антинемецкой политики, от борьбы против эстонской консервативной партии и дружественных отношений с русскими демократами. Якобсон оставил эту попытку Борениуса без ответа.

Финские буржуазные деятели инспирировали издание молодым Харри Яннсенем в Эстонии газеты на немецком языке, целью которой было желание добиться сближения между эстонцами, латышами и немцами для совместной антирусской борьбы. Эта нереальная в условиях Прибалтики программа не нашла поддержки ни в широких массах народа, ни среди интеллигенции.

Безрезультатной оказалась и третья попытка финской консервативной буржуазии повлиять на события в Эстонии. В 1881 году была предпринята попытка основать в Хельсинки

(с участием эстонцев) Общество друзей эстонского языка. Одной из тайных целей Общества должно было стать экономическое и политическое сближение эстонцев и финнов. Однако попытка организации такого Общества не увенчалась успехом.

8. Политические цели, преследуемые финской консервативной буржуазией в Эстонии в 1860-е — 1880-е годы, не были осуществлены. Они нашли некоторый отклик только у клерикально-консервативного направления эстонского национального движения. Связи же, которые установились в этот период между эстонскими и финскими деятелями, имели плодотворное влияние на развитие эстонской национальной культуры.

М. Х. КИУРУ

Кандидат исторических наук
(Петрозаводск)

ЛЕНИНСКАЯ «ИСКРА» И ФИНЛЯНДИЯ

1. В конце XIX — начале XX века, в условиях быстрого развития капитализма, в Финляндии обостряются классовые противоречия. Пролетариат вступает в организованную классовую борьбу против капиталистов. В то же время самодержавие начало последовательное наступление на автономию Финляндии. Акты беззакония следовали один за другим (Манифест 15 февраля 1899 года, закрытие ряда финских газет, отмена свободы собраний, упразднение национальных войск и многие другие); они сразу же вызвали широкую волну протеста, давшую толчок развитию национально-освободительного движения финского народа. Это движение нашло союзника в лице русской революционной общественности.

2. Самым последовательным союзником финского национально-освободительного движения был русский рабочий класс во главе с большевистской партией. В. И. Ленин и его соратники прямо и безоговорочно выступили на защиту прав финского народа, против насилия и гнета, которым его подвергал русский царизм. Боевой трибуной последовательного разоблачения этой реакционной политики самодержавия по отношению к Финляндии являлась ленинская «Искра», высоко поднявшая знамя пролетарского интернационализма. «Искра» горячо приветствовала каждую победу финского народа в его борьбе за свободу и клеймила царизм и буржуазию России за их угнетательскую руссификаторскую политику в Финляндии. Под рубрикой «События в Финляндии» ленинская «Искра» из номера в номер, на основе конкретных фактов, информировала русскую общественность о политическом и экономическом положении в Финляндии, о развитии финского национально-освободительного движения. «Искра», постоянно и последовательно отстаивая

свободу финского народа, указывала трудовому народу Финляндии, что он может добиться освобождения только путем революционной борьбы, объединив свои усилия с братским русским народом.

3. Ленинская «Искра» и другая марксистская литература доставлялась в Россию различными путями. Важным пунктом доставки были портовые города Батум и Одесса — на юге, Архангельск — на севере, Мемель и Ревель в Прибалтике. Однако наибольшее количество марксистской литературы перевозилось в те годы через Финляндию. Уполномоченные ЦК и ПК РСДРП Е. Д. Стасова, М. М. Эссен, В. М. Смирнов, Н. Е. Буренин, А. М. Игнатьев организовали массовую пересылку литературы в Россию по двум направлениям: 1) Стокгольм — Або—Гельсингфорс—Выборг—Петербург; 2) Стокгольм—Хапаранда—Торнео—Выборг—Петербург. На железнодорожных станциях (Перккиярви, Ууси-Киркко, Райвола, Терийоки, Куоккала, Оллила) по Финляндской железной дороге были организованы тайные склады для хранения литературы. Отсюда литература различными способами доставлялась в Петербург и другие города России. Неоценимую помощь в организации доставки марксистской литературы в Россию через Финляндию оказывали финские и шведские социал-демократы, финские рабочие, особенно железнодорожники, участники пассивного и активного движения сопротивления в Финляндии, а также некоторые прогрессивно настроенные представители финской интеллигенции.

4. Факты и события периода ленинской «Искры» показывают, что дружественные отношения финского и русского народа зарождались и постоянно укреплялись в общей борьбе против царского самодержавия. Эта братская солидарность трудового народа Финляндии и России ярко проявилась в революционных боях трех русских революций. Таким образом, дружба народов нашей страны и Финляндии, которая с каждым годом растет и крепнет, имеет свои славные революционные традиции.

П. И. ИХАЛАЙНЕН

Кандидат исторических наук
(Петрозаводск)

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ПРИЗНАНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ФИНЛЯНДИИ

(7 ноября — 31 декабря 1917 г.)

1. Советско-финляндские отношения представляют значительный интерес для изучения истории внешней политики Советского Союза. Они являются ярким свидетельством того, что Со-

ветское правительство с первых дней советской власти стремилось к мирному сосуществованию и сотрудничеству со всеми государствами, большими и малыми, независимо от их общественно-политической системы.

2. В финляндской буржуазной литературе до сих пор неправильно освещаются советско-финляндские отношения, особенно их начальный период. Замалчивается историческое значение Октябрьской социалистической революции для Финляндии. Революционная борьба финляндских рабочих рассматривается как результат «подстрекательства» большевиков.

Поддержка русскими революционными солдатами, находившимися тогда в Финляндии, требований финских рабочих в их борьбе за демократические реформы изображается как вмешательство русских войск во внутренние дела.

Умалается значение признания Советским правительством независимости Финляндии. Гражданская война, развязанная финляндской буржуазией против рабочего класса и беднейшего крестьянства, внутренняя классовая война 1918 года выдается за «освободительную войну».

Советско-финляндские отношения изучаются советскими исследователями, но до сих пор они еще недостаточно освещены в советской литературе. Финляндские демократические силы во главе с коммунистами также ведут борьбу с буржуазной фальсификацией истории. Однако нельзя считать, что буржуазная фальсификация советско-финляндских отношений уже полностью разоблачена.

3. В составе Российского государства финский народ вел национально-освободительную борьбу против царизма. Рабочий класс России и его партия большевиков во главе с В. И. Лениным всегда поддерживали эту борьбу, которая была тесно связана с общероссийским революционным движением. Успех борьбы финского народа зависел от победы революции в России.

4. В авангарде освободительной борьбы в Финляндии стоял финский рабочий класс. У него установились прочные связи с русским пролетариатом. В дни Октябрьской революции эти связи еще больше укрепились. Русские революционеры поддерживали борьбу финляндских рабочих, революционное же выступление последних оказало большую поддержку Октябрьской революции. Финские рабочие не позволили контрреволюционерам, бежавшим из России в Финляндию, сосредоточить там свои силы для наступления на Петроград.

5. Победа социалистической революции в России создала условия для победы финского народа. Теперь у него не было никаких препятствий на пути к национальной независимости. Не могло быть сомнений относительно готовности Советского правительства признать независимость Финляндии.

Положительная позиция Советского правительства в финляндском вопросе была хорошо известна. Поэтому в послеоктябрьские дни в Финляндии все внимание было сосредоточено на внутривластной борьбе, в которой большое место занимало отношение к Советской России. В этой борьбе демократические и реакционные силы страны находились на диаметрально противоположных позициях.

Под давлением рабочих масс сейм утвердил 15 ноября закон о верховной власти. Рабочие и умеренные буржуазные круги рассматривали этот акт как объявление независимости Финляндии и надеялись на его основе урегулировать (путем переговоров) отношения с Советской Россией.

Однако власть в Финляндии захватила реакционная буржуазия, отказавшаяся признать Советское правительство.

6. Вместо того, чтобы вступить в переговоры с Советским правительством, финляндское правительство обратилось к западным державам с просьбой о признании независимости Финляндии. В этом обращении особо подчеркивалась враждебность финляндских правящих кругов к Советской России.

Германские империалисты первыми поддержали эти антисоветские устремления финляндского правительства. По их совету 4 декабря финляндское правительство внесло на обсуждение сейма предложение о новой форме правления, придав ему видимость декларации о независимости, нисколько не смущаясь тем, что сейм уже 15 ноября провозгласил независимость Финляндии. Новая декларация о независимости давала возможность реакционерам захватить инициативу в свои руки и использовать сильное тогда в стране стремление к независимости в борьбе против революционного движения и во враждебных антисоветских комбинациях.

7. Однако, несмотря на всю свою враждебность к социалистическому государству, финляндское правительство было вынуждено обратиться к Советской России с просьбой о признании независимости и Советское правительство великодушно признало независимость Финляндии.

Этот исторический акт Советского правительства является знаменательной вехой в советско-финляндских отношениях. Самостоятельное существование Финляндского государства стало возможным благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции.

ЧЕРТЫ КУЛЬТУР АСКОЛА И СУОМУС-ЯРВИ В МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ КАРЕЛИИ

1. Впервые мезолитические поселения в Карелии были открыты на северном побережье Онежского озера в начале 1930-х годов. Однако в послевоенное время эти данные были забыты, и среди археологов, изучавших Карелию, надолго укоренилось мнение, что ее территория впервые заселена в развитом неолите — в III—II тысячелетиях до н. э.

2. Вторично вопрос о мезолите Карелии встал на повестку дня в 1957—58 гг. в связи с открытием бескерамических стоянок в ряде ее районов.

За 1957—62 гг. в Карелии открыты десятки поселений эпохи мезолита.

3. Мезолитические памятники Карелии четко делятся на две группы: а) стоянки с преобладанием кварцевого инвентаря и б) стоянки со сланцевым и кремневым инвентарем.

Более многочисленной является первая группа памятников. Стоянки этой группы известны по всей территории Карелии, как в северных, так и в южных ее районах.

Стоянки второй группы характерны только для юга Карелии.

4. Памятники первой группы содержат, в основном, кварцевый инвентарь (скребки, скребла, резцы, скобели, ножички, ножевидные пластинки, нуклеусы и т. п.), дополненный в небольшом количестве сланцевым (топоры, тесла, долота и пр.). Многочисленны осколки и отщепы кварца и пережженные косточки. Кремниевые орудия и отщепы кремния на этих стоянках встречались редко.

Стоянки второй группы содержат сланцевый (топоры, тесла, долота, стамески и пр.) и кремневый (скребки, резцы, наконечники стрел, дротиков, копий, скобели, ножички, ножевидные пластинки и пр.) инвентарь. В меньшей степени они содержат кварцевые изделия.

5. Первая группа стоянок по инвентарю и другим признакам наиболее близка мезолитическим стоянкам Финляндии: стоянкам культур Аскола (особенно поздней ее ступени — Аскола III) и Суомус-Ярви. Для них присущи следующие черты сходства:

- а) общность в характере высотных данных,
- б) отсутствие каких-либо признаков долговременных жилищ,
- в) незначительная мощность культурного слоя,

- г) насыщенность культурного слоя битым кварцем и пережженными косточками,
- д) преобладание кварцевых изделий в инвентаре,
- е) общность в типах изделий: кварцевых — округлый скребок с черешком, высокий, килевой, косолезвийный, выпуклолезвийный и полукруглый скребки, боковой и срединный резцы, нуклевидное орудие, плоское долото; сланцевых — топоры типа рованиями, шиферные наконечники копий, грубо обработанные топоры, тесла и долота с заточкой по лезвию.

В то же время мезолит Карелии на позднем этапе имеет черты отличия от мезолита Финляндии:

- а) длительное сохранение «кварцевого» характера культуры в Карелии,
- б) отсутствие на стоянках Карелии многих изделий, характерных для мезолита Финляндии: крупные рубящие орудия из кварца (топоры, тесла), клювовидные скребки и попугаеклювные резцы из кварца, шаровидные каменные молоты с воронкообразным отверстием и некоторые другие.

6. Стоянки второй группы тяготеют к более южным областям лесного Севера. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие факты:

- а) расположение этих стоянок в южной Карелии,
- б) значительное содержание кремневых орудий и осколков кремния,
- в) характер отдельных типов кремневых орудий: наконечники свидерского типа, узкие ножевидные пластинки, сколотые с призматического нуклеуса, микролиты, микролитовидные скребки и т. д.

7. Материальная культура племен, населявших Карелию в IX—VII тысячелетиях до н. э. не имела различий. Карелия и Финляндия заселены, по-видимому, в одно и то же время родственными родоплеменными группами, вероятно, протосаамского происхождения, пришедшими сюда, возможно, из Зауралья.

В VI—IV тысячелетиях до н. э. в Финляндии на смену «кварцевой» культуре Аскола пришла «сланцевая» культура Суомус-Ярви, а в Карелии продолжала существовать и развиваться «кварцевая» культура. Вместе с тем, в V—IV тысячелетиях до н. э. в Карелию проникли племенные группы с более южных районов лесного Севера, видимо, этнически не родственные местным племенам. Они принесли с собой «кремневую» культуру.

8. На основе этих племенных общностей уже в эпоху неолита сформировалась Карельская археологическая культура, хотя процесс этого формирования начался, по всей вероятности, еще в мезолите.

БЕЛОЗЕРСКАЯ ВЕСЬ И ЕЕ ЗАПАДНЫЕ СОСЕДИ

В X—XI вв.

1. Вось — одно из наименее изученных древних племен финно-угорской группы. Локализация веси в области Белого озера до недавнего времени основывалась только на данных письменных источников и топонимики. Археологически белозерская вель (в отличие от веси юго-восточного Приладожья) оставалась совершенно неизвестной.

В результате работ Белозерской археологической экспедиции Института археологии АН СССР мы располагаем сведениями (хотя далеко неполными) об уровне материальной культуры, типе поселений и погребений белозерской веси X—XII вв.

2. Вопреки мнению А. Тальгрена и Т. Арне местное угрофинское население в X—XI вв. было не бродячими охотниками, а оседлыми земледельцами и скотоводами. Основным типом поселения являлись неукрепленные поселки, местами (по реке Шексне) близко расположенные друг к другу. Обработка металлов у веси стояла на высоком уровне, однако глиняная посуда изготовлялась вручную. Были развиты охота, рыболовство, костерезные и деревообрабатывающие промыслы. Патриархально-родовой строй уже переживал процесс распада.

3. В материальной культуре и особенно в женских украшениях белозерской веси X — середины XI вв. ярко проступают черты, свидетельствующие об этнических и историко-культурных связях с Прикамьем. Это обстоятельство придало особый калорит той «чудской» культуре, существование которой признавал Тальгрэн для юго-восточного Приладожья (древности Белоозера ему не были известны). Особенно отчетливо самобытные черты местной культуры проявляются в керамике.

4. Славянское влияние на вель в X веке было еще сравнительно невелико, так как массовая колонизация района Белоозера славянами начинается только с середины XI века. В это время поселения веси на Шексне прекращают свое существование, а на месте наиболее крупного из них — у истоков Шексны из Белого озера — возникает славянский город Белоозеро. Однако уже в X веке на поселениях веси встречаются славянские вещи, а также византийские стеклянные браслеты, грецкие орехи и амфоры, проникавшие сюда через славян.

5. Область Белоозера, связанная бассейном реки Шексны с Балтийско-Волжским путем, была в X—XI вв. вовлечена в экономические и культурные связи с балтийскими странами. Об

этом свидетельствуют находки восточно-балтийского происхождения и вещи, типичные для Финляндии, Аландских островов и Скандинавии. Находки эти единичны и скандинавский импорт на Белом озере ощущается гораздо слабее, чем в Приладожье. Однако то обстоятельство, что на Белоозере найдены дисковидные грузила для вертикального ткацкого станка, широко известные в Финляндии, Норвегии, Швеции и на Аландских островах, а на территории СССР найденные кроме Белого озера только в Старой Ладоге и Шестовицком могильнике, позволяет говорить о вероятном проникновении сюда не только балтийского влияния, но, возможно, и балтийских этнических элементов. (Последнее не означает, разумеется, экономической и культурной гегемонии варягов в местной среде, как об этом говорил А. Тальгрэн).

В свою очередь через область веси в балтийские страны в X—XI вв. проникали изделия из бронзолитейных центров Прикамья. Они оседали, главным образом, в Финляндии, в меньшей степени в Швеции. Еще меньше их известно в Норвегии.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

Кандидат исторических наук
(Ленинград)

НАХОДКИ СКАНДИНАВСКИХ ВЕЩЕЙ В РАЙОНЕ Г. ТОРОПЦА КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Близ г. Торопца (бассейн Западной Двины) в 1961 г. в группе из 47 курганов Торопецким археологическим отрядом Института археологии Академии наук СССР был раскопан небольшой удлинённый курган с сожжением. Инвентарь кургана интересен тем, что в нем сочетаются украшения, характерные для длинных курганов, со скандинавской равноплечей фибулой IX в. Равноплечие фибулы чрезвычайно редки в Восточной Европе. Все они найдены только в северной ее половине. Скандинавские изделия IX в. известны в Восточной Европе также в весьма ограниченном количестве.

В 1,5 км от курганного могильника, на берегу озера Зеликовье, осенью 1960 г. строительными организациями г. Торопца был снесен небольшой песчаный холм. При этом была найдена целая серия интересных предметов. Характер комплекса, к сожалению, неясен. Из находок в Торопецкий музей поступило несколько десятков аббасидских дирхемов, большое бронзовое блюдо, овальная скандинавская фибула и железный стержень с двумя крупными медными многогранными бусами. Место изготовления блюда, покрытого гравированным растительным ор-

наментом, установить пока не удалось. Овальная фибула аналогична скандинавским фибулам X в. Железный стержень с бурами также завезен из Швеции или Норвегии, где имеются предметы (вертели, мерители длины), оформленные аналогично торопецкому стержню.

Окрестности г. Торопца неожиданно стали местом находки норманнских вещей. Поселения, синхронного курганному могильнику и находкам на озере Зеликовье, пока не найдено. Знаменитое Малое Торопецкое городище — древнерусский город Торопец, — расположенное в 6 км от могильника, относится к более позднему времени (к XI—XIV вв.).

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

Кандидат исторических наук
(Ленинград)

ДРЕВНИЕ ПРУССЫ И НОРМАННЫ

1. Период с IX по XI вв. в истории культуры древних пруссов, буржуазные археологи, обычно, называют норманским. При решении этого вопроса они исходят из положения о том, что появившиеся в юго-восточной Прибалтике пришельцы из Скандинавии, принесли пруссам более совершенную культуру.

Данные археологии, на основании которых это положение было выдвинуто, не подтверждают его.

2. Прусы, представлявшие собой объединение западно-балтийских племен, создали свою, имевшую, чрезвычайно древние корни, культуру. В I тысячелетии н. э. это было оседлое земледельческое население, для хозяйства которого характерно также развитое домашнее производство (выплавка и обработка железа, искусная обработка бронзы и др). Жившие на Янтарном берегу Балтийского моря, пруссы издавна имели широкие внешние связи. В конце I тысячелетия гончарство, а возможно и обработка железа выделяются в хозяйстве пруссов в отрасль ремесла.

Письменные данные, относящиеся к IX в. отмечают далеко зашедшую имущественную дифференциацию населения. X—XI вв. знаменуются формированием феодального уклада в обществе пруссов.

3. В конце I тысячелетия на территорию пруссов проникают норманы. Наиболее крупная норманнская колония существовала около современного г. Зеленградска (бывш. Кранц) Калининградской области. Здесь сохранился большой могильник с типично скандинавскими захоронениями IX—XI вв. Наиболее характерным инвентарем этого могильника является ору-

жие и конское снаряжение. Обращает на себя внимание тот факт, что в обряде погребения и инвентаре могильника вблизи Зеленоградска, служившего кладбищем норманнам в течение двух с лишним столетий, не отразилось никаких связей с местным населением.

Помимо колонии вблизи Зеленоградска норманны основали и другие колонии в земле пруссов. О проникновении скандинавов на эту территорию свидетельствуют и отдельные норманские вещи.

4. Норманны, появившиеся в среде древних пруссов, не являлись носителями более высокого, прогрессивного способа производства, каковым в то время мог быть только феодализм. Более того, державшиеся в чужеземной им среде, главным образом лишь силой своего оружия, они стали фактором, тормозящим процесс феодализации, на который вступили пруссы. О набегах норманнов, в частности о нападении датского короля Гаральда Синезубого (935—985) на приморских пруссов сообщает Саксон Грамматик. О войнах между пруссами и норманнами дают представление и археологические памятники. Рост мощных оборонительных сооружений, особенно, в приморской части земли пруссов, который наблюдается в конце I тысячелетия, можно связывать с организацией обороны от нападений норманнов. По-видимому необходимостью борьбы с норманнами объясняется и рост погребений с оружием и боевым конем у пруссов в этот период.

Не исключено, что норманские набеги, оттянувшие победу феодального способа производства, стали одной из причин того, что пруссы не смогли противостоять нападениям Тевтонского Ордена, начавшимся в XIII в. и в отличие от некоторых других балтийских племен, утратили свою независимость и свою культуру.

К. Д. ЛАУШКИН

(Ленинград)

О МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ЛЕГЕНДЫ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ

1. Существование Рюрика как исторической личности всегда вызывало и вызывает до настоящего времени большие сомнения. Многолетние разыскания исторических корней предания о Рюрике в скандинавской истории привели лишь к выдвигению более или менее шатких гипотез, основанных на созвучии имени Рюрика с именами известных или только предполагаемых скандинавских конунгов. Самые ранние русские исторические источники (конец X или самое начало XI в.) Рюрика тоже не знают.

2. С достаточной точностью устанавливается родина Рюрика как литературного персонажа. Это — Ладога: именно здесь произошел переход Рюрика из фольклора в древнерусскую историческую литературу. Имя его тесно связано с ладожским мысом, где можно предполагать существование до X в. славянского языческого святилища, посвященного культу солнечного божества. Некоторые черты древнего солнечного бога поглотил образ Георгия — христианского святого, считавшегося патроном Ладоги. «Рюрик», по-видимому, есть модификация имени «Георгий», отразившая отчасти скандинавское влияние. На св. Георгия были перенесены представления о солнечном божестве как родоначальнике славянского племени и устройтеле русской земли. Эти черты Георгий передал Рюрику, который стал независимым от него мифологическим образом. Очевидно в ладожской фольклорной традиции Рюрик считался не только предком славян, но и старшим братом двух подобных ему мифологических персонажей: Синеуса — родоначальника угро-финнов и Трувора — родоначальника свеев.

3. Мифологическая легенда о трех братьях — родоначальниках трех народов — легла в основу более позднего династического предания о призвании варягов. Древний миф о происхождении славян давал ответ на вопрос, поставленный в заглавии «Повести временных лет»: «Откуда есть пошла Русская земля?» Династическое предание отвечало на второй вопрос заглавия: «Кто в Киеве нача первее княжити?» Династическое предание приспособило древний миф своим целям.

4. Знаменитый мотив сказания о призвании варягов, живописующий царящий на русской земле беспорядок, по всей видимости является эхом мифологического мотива о первобытном хаосе, который преодолевается великим предком народа, устройтелем родной земли. Династическое предание использовало этот мотив и переработало его. Переработка шла по двум направлениям. Во-первых, легенда освободилась от сказочных образов, которые были несовместимы с преданием, имевшим значение исторической истины. Во-вторых, она была дополнена новой, политической темой: беспорядок до Рюрика объяснялся тем, что люди «почаша сами в себе володети». Тема подчеркивала целесообразность и необходимость княжеской власти.

III. СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКИ

В. Д. МАРТЫНОВ

(Москва)

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ ШВЕЦИИ

1. Как форма экономической деятельности сельскохозяйственные кооперативы начали возникать в Швеции в конце прошлого века, отражая требования развития капиталистических производственных отношений в области сельскохозяйственного производства. Первые шведские кооперативы возникали как подражание датскому образцу. Инициаторами их создания были крупнокулацкие и помещичьи хозяйства Сконе, ставшие на путь превращения в крупные капиталистические предприятия в области сельскохозяйственного производства.

2. Сильный толчок дальнейшему развитию сельскохозяйственной кооперации Швеции дал экономический кризис 1929—1933 гг., когда разрозненные и конкурировавшие до того между собой кооперативы были объединены в централизованные организации, охватившие практически всех товаропроизводителей в области сельского хозяйства. В середине 1930-х гг. была в основном создана современная система сельскохозяйственных кооперативов Швеции.

3. В настоящее время все кооперативные объединения Швеции можно условно подразделить на три группы: закупочно-сбытовые, снабженческо-сбытовые и кредитные.

Кооперативы первой группы занимаются сбором товарной продукции у товаропроизводителей, доставкой ее на кооперативные предприятия и сбытом путем оптовой и розничной торговли. Сюда относятся молочные, мясные, винокуренные кооперативы, а также кооперативы лесовладельцев, по сбыту яиц и птицы, производителей пушнины, производителей льна и конопли, производителей масличных культур и производителей крахмала.

Кооперативы второй группы, представленные одной отраслевой национальной организацией, занимаются сбором у товаропроизводителей и сбытом зерна, картофеля, семян и т. д. и снабжением фермеров товарами производственного назначе-

ния — сельскохозяйственными машинами, инвентарем, удобрениями, семенным материалом и т. д.

Третью группу кооперативов составляют ипотечные кооперативные объединения (самые старые сельскохозяйственные кооперативы Швеции) во главе с Шведским ипотечным банком и сельскохозяйственные кредитные кассы, действующие под руководством Центральной сельскохозяйственной кредитной кассы и Сельскохозяйственного банка Швеции.

4. Кооперативы в области сельского хозяйства Швеции, как и в других развитых странах капитала, являясь капиталистическими организациями, имеют двойственный характер. Объединяя всех товаропроизводителей страны, они дают какие-то выгоды экономического порядка всем фермерам, в том числе и мелким, в той мере, в какой последние участвуют в деятельности кооперативов. В то же время, действуя в обстановке капиталистических производственных отношений, кооперативы являются коллективными капиталистическими организациями, основную массу товарной продукции в которые поставляют крупнокулацкие и помещичьи хозяйства, извлекающие поэтому наибольшую выгоду из деятельности кооперативов.

5. В настоящее время можно с полным основанием утверждать, что сельскохозяйственные кооперативы Швеции в своей верхушечной части срослись со всей системой финансово-монополистического капитала страны. Кооперативы держат в своих руках переработку и сбыт всего товарного молока, основного количества (более 80%) мяса, большую часть яиц и птицы (более 65%), зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Они поставляют фермерам основную часть потребляемых последними минеральных удобрений, фуража, горючего и смазочных веществ, гербицидов, инсектицидов, инвентаря, машин и т. д.

6. Кооперативам принадлежит практически вся молочная промышленность, большая часть мясной, мукомольной и крахмало-паточной, а также сахарной промышленности страны. Кроме того, они владеют (или являются акционерами) крупнейших промышленных компаний, входящих в систему финансового капитала Швеции (деревообрабатывающие и целлюлозно-бумажные предприятия, химические комбинаты и предприятия по производству минеральных удобрений, предприятия сельскохозяйственного машиностроения и т. д.). На предприятиях, принадлежащих непосредственно кооперативам, занято более 40 тыс. наемных рабочих. Кооперативы держат в своих руках всю внешнюю торговлю продуктами сельскохозяйственного производства Швеции.

7. Во главе сельскохозяйственных кооперативов Швеции стоят кулаки, помещики, представители крупного капитала, занятого в области сельскохозяйственного производства, связанные тесными узами с банками, промышленными монополиями,

государственным аппаратом, верхушкой реакционных буржуазных партий (прежде всего партии центра).

8. Тем не менее, сельскохозяйственная кооперация, являясь массовой организацией крестьянства, может и должна быть использована демократическими силами страны в качестве одного из рычагов создания широкого общенародного фронта для борьбы против наступления финансового капитала на интересы трудящихся масс. Кооперативы могут и должны стать одним из средств привлечения на сторону рабочего класса т. н. средних слоев, на что неоднократно указывалось в программных и других документах Коммунистической партии Швеции.

С. Г. ЖИХАРЕВИЧ

(Ленинград)

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В ШВЕЦИИ

Критика буржуазных и реформистских теорий налогообложения

1. В марксистско-ленинской экономической теории исследованию налогов всегда уделялось серьезное внимание. Классики марксизма глубоко вскрыли эксплуататорскую природу налогов буржуазного государства, их важную роль в перераспределении национального дохода капиталистического общества, их отрицательное влияние на положение трудящихся масс.

Особенно актуальным становится изучение практики налогообложения, равно как буржуазных и реформистских приемов «обоснования» налогового гнета в современных условиях. Налоги ныне стали важнейшей формой соединения силы монополий с силой буржуазного государства. Непосредственное вмешательство государства в процесс капиталистического воспроизводства сопровождается использованием налогов в качестве орудия государственного регулирования динамики потребления и накопления. Специальные финансово-экономические вопросы налогообложения стали, таким образом, неотъемлемой частью общей теории государственно-монополистического капитализма.

2. Рассмотрение налоговой системы Швеции и налоговой политики правящей СДПШ представляет особый интерес не только потому, что в специальной литературе он подробно не освещен, но, главным образом, — в связи с той пропагандой шведского «демократического социализма» и шведского «государства всеобщего благоденствия», которая широко используется раскольническими организациями («Социалистический интернационал» и «Конфедерация свободных профсоюзов») для

ослабления международного рабочего движения, для отвлечения на капиталистический путь развития молодых государств Азии и Африки.

* * *

3. Налоговые изъятия, составляющие свыше 90% доходов бюджета, являются финансовой базой шведского государства. Около половины налоговых поступлений мобилизуется в бюджет с помощью прямых налогов. Ознакомление с их конкретными формами (налоги на капитал, наследство и дары, доходы и имущество) показывают, что а) наиболее паразитарные эксплуататорские доходы, связанные с обособлением капиталистической собственности от капитала-функции и движением фиктивного капитала, пользуются в Швеции значительными налоговыми привилегиями; б) налогообложение прибылей акционерных обществ строится здесь столь выгодно для буржуазии, что господствующие классы других капиталистических государств объявили его классическим эталоном и образцом для подражания; в) программные положения СДПШ о «социальном уравнении» с помощью налогов является, таким образом, беззащитной социальной демагогией.

4. Усилиями лидеров правящей партии соотношение прямых и косвенных налогов приобрело ярко выраженный антидемократический характер. Косвенные налоги, являющиеся, по характеристике В. И. Ленина, наиболее несправедливыми налогами, дают в настоящее время более половины всех налоговых поступлений. Поскольку в средствах рабочей семьи расходы на предметы потребления составляют, по данным бюджетных обследований, почти 60% всех расходов, основная тяжесть косвенного налогообложения ложится на трудящихся Швеции. Рассмотрение конкретных форм косвенных налогов (фискальные монополии, «пунктовые» акцизы, универсальный товарный акциз) и налоговой реформы 1962 года, подтверждают это положение.

Прямое и косвенное налогообложение, отвлекая в сумме до 35% доходов рабочей семьи, является фактором углубления социальной и имущественной поляризации и относительного ухудшения положения трудящихся Швеции.

5. Использование налоговых ресурсов в Швеции носит государственно-монополистический характер.

Более 20% их направляется на милитаристские цели. По доле военных расходов в национальном продукте Швеция опередила скандинавские страны, участвующие в НАТО, а в расчете на душу населения — Францию и ФРГ.

Расходование средств по «управлению рынком труда» в целях стабилизации цен и поддержания мелких хозяйств для государственных гарантий экспортных кредитов является формой государственно-монополистического регулирования процесса

воспроизводства. Значительная часть оплачиваемых трудящимися социальных расходов является инструментом государственного вмешательства в воспроизводство рабочей силы.

6. Компартия Швеции активно и последовательно борется за демократизацию налогообложения в стране, выдвигая при этом свою, подлинно демократическую альтернативу налоговой политики и использования налоговых ресурсов.

7. Для «оправдания» налогового гнета в реформистской и буржуазной литературе Швеции, наряду с теорией «социального уравнивания», имеют хождение теории «ампутации ненужного излишка» покупательной способности, антиинфляционной функции налогов, их регулирующей и стимулирующей роли. Антинаучность и апологетичность подобных теорий обнаруживается при сопоставлении их с экономической действительностью.

8. В «обосновании» и направлении налоговой политики СДПШ активное участие приняли представители «Стокгольмской школы» буржуазной политэкономии (Г. Мюрдаль, Э. Линдаль, Б. Хансен и другие), посвятившие проблемам налогообложения специальные работы.

Рассмотрение налоговых теорий «школы» свидетельствует не только о государственно-монополистической направленности её исследований, но и о несостоятельности её методических основ как показателе кризиса буржуазной политической экономии.

Теории и практика налогообложения в Швеции вполне подтверждают глубокую оценку социал-реформизму, данную в Программе КПСС: «... современная правая социал-демократия остается важнейшей идейной и политической опорой буржуазии внутри рабочего движения... Правые социалисты и ревизионисты пытаются изобразить государственно-монополистический капитализм почти как социализм. Жизнь разоблачает эту фальшь». (Программа КПСС, стр. 55, 27).

Э.-Л. У. МИККЕЛЬСААР

Кандидат экономических наук
(Тарту)

К ВОПРОСУ О ЖИЗНЕННОМ УРОВНЕ РАБОЧЕГО КЛАССА СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ

1. Буржуазные экономисты и правые социал-демократы, исходя их своей излюбленной концепции о жизненном уровне вообще, тратят не мало усилий и исписывают горы бумаги, пытаясь доказать существование государства всеобщего благоденствия в современной Швеции, в котором, якобы, отсутствует эксплуатация человека человеком, нет классовых противоречий, где все классы в равной степени трудятся, «благоденствуют»

в условиях «национального домашнего очага» и высокого материального уровня жизни. Используя существующие на протяжении десятилетий благоприятные объективные исторические и экономические условия, апологеты монополий и идеологи реформизма Швеции, стремятся толковать эти относительные и временные факторы в извращенном, абсолютизированном, выгодном для буржуазии свете. Они толкуют, что: «Капитализм в том смысле, как это понимал в свое время Маркс, не существует. Он исчез с появлением демократии и развитием техники». (Ny Tid). «Сломлено единовластие владельцев капитала и наступило общество благоденствия». (Программа шведской социал-демократической партии, VI, 1960). «В тихом уголке мира, ответленном для нас, мы можем спокойно отложить Маркса в сторону, ибо мы начали строить общество, основанное на тех ценностях, о которых мечтали утописты». («Tiden»).

2. 154-летний период относительно мирного развития капитализма, отсутствие военных действий и разрушений на территории Швеции, благоприятные условия производства, строительства, рынков сбыта, накопление капитала во время мировых войн и вытекающие отсюда высокие прибыли шведских капиталистов за счет воюющих стран, с одной стороны, и бесспорные успехи рабочего класса, добившегося в упорной классовой борьбе со своей буржуазией некоторых довольно существенных реформ (в области трудового законодательства, медицинского и социального обеспечения), с другой, — все это, вместе взятое, создало условия для достижения сравнительно высокого уровня жизни индустриальных рабочих Швеции, среди которых выросла не малая прослойка рабочей аристократии. Изолированный, неисторический, узконационалистический статистический подход к вопросу жизненного уровня рабочего класса Швеции (а именно так поступают шведские буржуазные экономисты, правые социал-демократы и обыватели) порождает антинаучные иллюзии о какой-то исключительности Швеции и об особых путях развития капитализма в данной стране. Так называемый «шведский уровень жизни» противопоставляется коммунистическому, который буржуазные экономисты в целях борьбы против коммунизма представляют в искаженном, уродливом виде.

3. В советской экономической литературе есть немало ссылок на относительно высокий уровень жизни трудящихся Швеции. Однако действие всеобщего закона капиталистического накопления в условиях такой «исключительной» страны и вытекающие отсюда последствия, исследуются слабо, отсутствует всестороннее изучение, в котором глубоко и конкретно рассматривались бы экономические факторы и основы жизненного уровня трудящихся Швеции с точки зрения марксистско-ленинской идеологии.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ ДАНИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. За последние полвека народное хозяйство Дании пережило ряд глубоких, структурных сдвигов, преобразовавших ее из отсталой, сельскохозяйственной в высокоразвитую индустриально-аграрную страну. В конце XIX века в экономике Дании, бывшей тогда сельскохозяйственной страной, произошел первый сдвиг — переход от зернового хозяйства к животноводству. Позднее, в результате мирового экономического кризиса 1929—1933 г.г. Дания пережила второй структурный сдвиг в своей экономике, в результате которого она превратилась из аграрной в аграрно-индустриальную страну. После второй мировой войны проходит, а в настоящее время практически завершается третий этап в экономическом развитии Дании — превращение ее из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну.

2. Указанный объективный процесс в экономическом развитии Дании подтверждается прежде всего демографической статистикой: как переписи населения, так и сплошные ряды занятости в промышленности и в сельском хозяйстве свидетельствуют о том, что по числу занятых промышленность уже значительно превзошла сельское хозяйство. В 1960 г. в сельском хозяйстве было занято 300 тыс. человек, в том числе 92,9 тыс. наемных рабочих, в промышленности — 376,7 тыс. человек, в том числе 295,1 тыс. наемных рабочих.

3. Эти изменения в экономике страны после второй мировой войны отражены в структуре совокупного общественного продукта. В 1960 г. доля промышленности составляла 34,3%, доля сельского хозяйства — 25,2% валового продукта страны, пересчитанного по марксистской методологии.

4. После второй мировой войны значительные изменения претерпела технологическая (рост доли расходов на оборудование и сокращение доли расходов на здания) и воспроизводственная (рост нормы капитализации прибавочного продукта) структура капиталовложений в народное хозяйство Дании.

5. В послевоенный период весьма интенсивно проходит процесс концентрации и монополизации производства и концентрации и централизации капитала во всех отраслях экономики страны. На долю предприятий с числом занятых 100 человек и выше, составляющих менее 7% всех промышленных предприятий, в 1961 г. приходилось около 50% всей промышленной продукции страны. Если в 1951 г. на долю крупных и крупнейших

компаний (с капиталом 5 млн. крон и выше каждая) приходилось 39,2% акционерного капитала страны, то в 1961 г. компании указанных размеров распоряжались 43,1% всего акционерного капитала. Не менее интенсивно, хотя и с рядом особенностей, проходит процесс концентрации производства и в сельском хозяйстве Дании.

6. Одним из значительных явлений в экономической жизни страны является усиление роли государства в народном хозяйстве, главным образом в области регулирования и воздействия с помощью методов экономической политики, в первую очередь фискальной, на экономическое развитие частного сектора в народном хозяйстве Дании.

7. Наряду с важнейшим структурным сдвигом в экономике страны — индустриализацией и превышением удельного веса промышленности над сельским хозяйством в валовом продукте страны с начала 50-х годов, качественные изменения происходили и в структуре самой промышленности. Сущность этих изменений заключается в следующем:

а) произошел переход ко второму этапу индустриализации, когда по числу рабочих, выпуску продукции и темпам роста тяжелая промышленность, развивающаяся на основе современного международного капиталистического разделения труда и исторически сложившихся хозяйственных традиций, перегнала легкую промышленность;

б) в самой тяжелой промышленности из года в год растет доля производимых средств труда;

в) интенсивно развиваются и отрасли легкой промышленности на базе высокоразвитого сельского хозяйства страны. Высокоразвитая легкая промышленность Дании, особенно пищевая, составляет специфику датской промышленности;

г) определяющую роль в промышленности страны играет обрабатывающая промышленность. В 1961 г. валовой продукт промышленности распределялся следующим образом: 90,3% — обрабатывающая промышленность, 8,9% — производство электричества и газа и 0,8% — добывающая промышленность.

8. Сельское хозяйство Дании в результате механизации и электрификации сельскохозяйственных процессов, улучшения пород скота и увеличения его поголовья, повышения плодородия почвы, перехода ряда функций от сельского хозяйства к промышленности, а также в результате жестокой капиталистической рационализации достигло весьма высокого уровня развития. Она является ныне интенсивным, высокотоварным и продолжает оставаться одной из основ экономики страны.

9. Наряду с глубокими структурными сдвигами в сфере материального производства и вслед за ними растет и изменяется (прежде всего индустриализируется) сфера нематериаль-

ного производства, особенно торговля и сфера услуг, отражая при этом все противоречия, свойственные капитализму.

10. Структурные изменения, происходящие в экономике Дании, находят свое отражение во внешней торговле страны: растет доля промышленной продукции в экспорте, увеличивается интенсивность внешнеэкономических связей, растет зависимость страны от конъюнктуры мирового капиталистического рынка.

11. Проблема участия в общем рынке тесно связана с перспективами развития датской экономики. Вступление страны в общий рынок явилось бы шагом, в общем выгодным для крупных и крупнейших предприятий как в сельском хозяйстве, так и вообще в народном хозяйстве страны, однако мельчайшие, мелкие и в ряде случаев средние предприятия подверглись бы серьезнейшей опасности дальнейшей рационализации, то есть ликвидации, так как конкурентная борьба в таких масштабах им была бы не под силу. В любом случае капиталистическая интеграция приведет к усилению эксплуатации рабочего класса и росту прибылей монополий.

Л. Р. СЕРЕБРЯННЫЙ

Кандидат географических наук
(Москва)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДАНИИ

1. Важную роль в развитии сельскохозяйственного производства Дании сыграли благоприятные природные условия, которые в свою очередь испытали значительное влияние в результате деятельности человека. Низменный рельеф страны с преобладанием рыхлых песчано-глинистых поверхностных отложений не представлял особых препятствий для сельскохозяйственного освоения территории. В настоящее время около 72% земельного фонда страны непосредственно используется в сельском хозяйстве, главным образом под пахотные угодья.

2. Земельные резервы Дании довольно невелики и в основном охватывают малопродуктивные территории, занятые болотной и дюнной растительностью, а также верещатниками. Последние еще в середине XIX в. занимали значительную площадь, но в результате распашки целины и лесовосстановительных работ сохранились лишь в ограниченных районах. Лесной фонд составляет около 10% всей территории страны и в значительной части представлен саженными лесами (plantager), имеющими, как правило, ветрозащитное и противоэрозионное назначение.

3. В Дании в широких масштабах осуществляются агро- и гидромелиоративные работы, особенно дренаж, в меньшей

степени увлажнительное орошение и регулирование паводков. Отвод избыточной влаги проводится весной в целях обеспечения своевременного выполнения сельскохозяйственных работ. В начале лета в ряде районов в связи с недостаточным увлажнением проводится дождевание полей.

В стране осушено большое число болот и озер, на месте которых созданы постоянные пастбища и сенокосы (возвышенные части осушенных котловин нередко используются под пашню). Общая площадь земель, осушенных за 1940—1959 гг., превышает 100 тыс. га (из них $\frac{3}{5}$ в Ютландии).

Немалое значение отводится разрабатываемым в настоящее время проектам осушения прибрежных участков морского дна, особенно на юго-западе Ютландии.

4. Сельское хозяйство Дании основано на всестороннем учете и рациональном использовании климатических ресурсов. Выбор культур и сортов, сроки посева и уборки урожая, агротехнические мероприятия, типы сельскохозяйственных машин и орудий приспособлены к местным климатическим условиям. Изменение последних, даже в незначительной степени, вызывает соответствующие сдвиги в системе сельского хозяйства. Так, например, потепление климата в конце XIX-начале XX вв. благоприятно повлияло на возделывание кукурузы.

5. Несмотря на отставание в области изучения генезиса и географии почвенного покрова, Дания отличается довольно высоким уровнем агрохимических исследований. Стимулом для их развития является широкое применение минеральных удобрений. Результаты агрохимических исследований используются при разработке норм внесения удобрений. С этой целью составляются специальные карты для крупных хозяйств. Потребности в некоторых удобрениях удовлетворяются за счет местных минеральных ресурсов.

В Дании проводятся специальные биогеографические наблюдения, подчиненные задачам обслуживания сельского хозяйства (анализ ареалов распространения вредителей сельского хозяйства и т. д.).

6. Для изучения проблем использования естественных ресурсов в сельском хозяйстве необходимо принимать во внимание региональные особенности страны, опираясь на схемы физико-географического районирования.

Э. Д. ЖИБИЦКАЯ

Кандидат географических наук
(Москва)

Л. Р. СЕРЕБРЯННЫЙ

Кандидат географических наук
(Москва)

ИЗУЧЕНИЕ ГЕОГРАФИИ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН¹ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

1. Традиционный интерес отечественной географической науки к скандинавским странам, получивший отражение в трудах Л. С. Берга, Г. И. Танфильева, В. П. Семенова-Тян-Шанского и других выдающихся исследователей, усилился за последние 15—20 лет одновременно со значительным ростом научной и научно-популярной направленности работ. Преобладающее место занимают исследования по экономической географии скандинавских стран, что во многом вызвано ее тесной связью с жизнью и хозяйственной деятельностью человеческого общества. Особое внимание привлекают характеристики специфических отраслей — лесного хозяйства, лесоперерабатывающей и металлургической промышленности, животноводства. В области физической географии Скандинавии советские исследователи интересовались методически наиболее важными проблемами (история деградации оледенения с привлечением возрастных определений по ленточным глинам, история развития растительности на основе спорово-пыльцевого анализа, изменения климата, речной сток и его регулирование, география наземной и морской фауны и т. д.)

2. Организованное в 1945 году Государственное издательство географической литературы (Географгиз) выпустило несколько крупных страноведческих монографий («Норвегия» Р. А. Ерамова, «Швеция» и «Финляндия» Э. Д. Жибицкой), а также серии многотиражных научно-популярных и справочных брошюр по всем скандинавским странам. Кроме того, Географгиз совместно с Главным управлением геодезии и картографии опубликовал настольные карты скандинавских стран в масштабе от 1 : 750 000 до 1 : 2 000 000 в сопровождении кратких пояснительных текстов. Создание этих текстов, а также большинства упомянутых выше брошюр является заслугой В. В. Похлебкина.

3. В журналах «Известия Академии наук СССР, серия географическая» и «Известия Всесоюзного географического обще-

¹ Проблема изучения Скандинавского сектора Арктики в настоящем сообщении не рассматривается.

ства» помещен ряд статей и сообщений по географии Скандинавии, включая обзоры географической литературы и описания экскурсий. Материалы полевых экскурсий, проведенных в Скандинавии в 1960 г., отражены в сборнике «XIX Международный географический конгресс в Стокгольме» (Издательство АН СССР, 1961).

4. В Пищепромиздате систематически выпускаются труды Институты рыбного хозяйства и океанографии, связанные с проблемами изучения Балтийского моря. Литература по социальной и отраслевой экономической географии Скандинавии часто выходит в изданиях Госполитиздата, Сельхозиздата, Гослесбумиздата и других издательств, а также в отраслевых журналах «Животноводство», «Энергетика за рубежом», «Внешняя торговля» и др. Особый интерес для географов представляют работы, выпущенные Внешторгиздатом по экономике и внешней торговле Швеции (Е. Н. Зайцев), Норвегии (В. С. Кошентаевский) и Финляндии (Б. А. Федоров). К этим работам близки труды видного специалиста по экономике Скандинавии Я. Д. Сегала, автора монографии «Экономика и политика современной Швеции» (Издательство АН СССР, 1952).

5. Скандинавская географическая тематика получила довольно полное освещение в Большой Советской, Малой Советской и Краткой географической энциклопедиях. Новая литература по географии Скандинавии регулярно отражается в ежемесячном реферативном журнале «География», выпускаемом Всесоюзным институтом научной и технической информации (в каждом номере в среднем рассматривается 30—40 работ).

6. Несмотря на достигнутые успехи, в географическом отношении скандинавские страны изучены еще далеко недостаточно. Многие из опубликованных работ быстро устаревают и нуждаются в обновлении и замене. Обращает внимание и неравномерность в исследовании рассматриваемых стран: наиболее изученными являются Швеция и Финляндия, по другим странам литературы гораздо меньше. Перед советскими географами стоит важная задача создания обобщающего труда о природе и хозяйстве Скандинавии, где на обширном региональном материале были бы выражены теоретические положения советской географической науки. Такая работа послужит базой для постановки дальнейших географических исследований как отраслевого, так и регионального профиля.

ЗНАЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ НОРВЕГИИ И ДОЛЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В ЭТОЙ ТОРГОВЛЕ

1. Внешняя торговля имеет жизненно важное значение для Норвегии; экономика страны тесно связана с внешним рынком. За последние годы внешнеторговый оборот Норвегии по стоимости равнялся 40—45% валового национального продукта.

Доля Норвегии в мировой торговле невелика — всего около 1%. По объему товарооборота Норвегии принадлежит 15—17 место в мире. Однако по стоимости товарооборота на душу населения Норвегия занимает седьмое место в мире.

2. В мировом экспорте и импорте отдельных товаров Норвегия играет ведущую роль.

За счет импорта Норвегия удовлетворяет большую часть потребности в товарах I подразделения (90% всего норвежского импорта) и в сырье для обрабатывающей промышленности (в связи с недостатком собственных ресурсов); потребность в топливе почти полностью удовлетворяется за счет импорта; в импорте страны значительна доля текстильного сырья и изделий из текстиля.

Из сельскохозяйственных товаров Норвегия полностью обеспечивает себя только мясо-молочными продуктами. Почти все остальные виды продовольствия ввозятся.

3. В экспорте Норвегии ведущее положение занимают такие товары как китовый жир, рыба и рыбпродукты, пириты, алюминий, целлюлоза и бумага.

4. До второй мировой войны доля стран, входящих ныне в социалистический лагерь, во внешнеторговом обороте Норвегии составляла 5—6%. Наиболее крупными контрагентами Норвегии были Польша, СССР, Чехословакия.

После войны торговля Норвегии с этими странами значительно выросла; эта торговля имеет большое значение для экономики Норвегии, поскольку удельный вес этих стран в норвежском экспорте и импорте отдельных товаров очень высок.

За последние годы товарооборот Норвегии со странами социалистического лагеря превышает 600 млн. н. кр. (125 млн. н. кр. в 1938 г.).

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ ЭКОНОМИКИ ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД ПОЛИТИКИ НЕЙТРАЛИТЕТА

В послевоенные годы в экономической жизни Финляндии, по сравнению с довоенным периодом, произошли значительные структурные сдвиги.

1. Из аграрно-индустриальной страны Финляндия превратилась в индустриально-аграрную, с развитыми промышленностью и сельским хозяйством. Индустриальный сектор (промышленность, строительство, транспорт) в настоящее время преобладают над аграрным сектором (сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство, охотничий промысел) в структуре национального дохода, так и в отношении занятости. В 1938 году аграрный сектор в национальном доходе на 6% превышал индустриальный сектор, тогда как в 1960 году, наоборот, индустриальный сектор превысил аграрный на 20%.

2. Значительные изменения произошли и во внутренней структуре самой промышленности. В довоенные годы в промышленности Финляндии наблюдалась однобокая специализация, преобладали деревообрабатывающая и бумажная промышленность, составлявшая 40% всей валовой промышленной продукции. В послевоенный период значительно развились и остальные отрасли промышленности, резко увеличилась доля тяжелой индустрии. Металлическая промышленность (машиностроение, металлургия, электротехническая промышленность, металлообработка и т. д.) по валовой продукции и по численности рабочих уже достигла размеров традиционной финской лесной промышленности и охватывает вместе с последней около половины валовой продукции и численности рабочих всей промышленности Финляндии. Отмечается заметное увеличение доли энергетики, химической и пищевой промышленности. Это говорит о том, что финская промышленность из однобокой превратилась в многоотраслевую, более пропорционально развитую отрасль экономики.

Большое разнообразие производства уменьшило зависимость страны от внешних рынков.

3. В структуре сельского хозяйства увеличилась доля животноводства и, в частности, производства молока.

Значительно повысилась и интенсивность сельского хозяйства Финляндии. Сельскохозяйственная продукция на одного, занятого в сельском хозяйстве работника и на 100 га пашни значительно возросла. Продукция молока превышает довоенный уровень на 30%, хотя поголовье коров на 5% меньше, чем было

в 1938 году. Во много раз увеличилась вооруженность сельского хозяйства машинами, больше стало применяться удобрий.

4. Наиболее важным фактором, сделавшим возможным указанные изменения, является расширение внутреннего и внешнего рынка. Самое благоприятное влияние на финскую экономику в послевоенный период оказывала политика нейтралитета страны. В довоенные годы Финляндия, следуя политическому курсу агрессивных западных держав, сократила свою внешнюю торговлю с СССР до минимума. После войны, вступив на независимый внешнеполитический курс нейтралитета и дружбы со всеми нациями, страна восстановила свои традиционные восточные экономические связи и стала развивать взаимовыгодную внешнюю торговлю с СССР и со странами народной демократии, значительно расширяя тем самым свои внешние рынки.

5. Капиталистические страны Запада не были заинтересованы в развитии промышленности Финляндии и не покупали в этой стране готовых изделий, а тем более машин. В довоенные годы им удалось превратить Финляндию в экономически зависимую страну, т. е. сделать ее источником сырья и рынком сбыта их промышленных изделий. Когда же Финляндия после второй мировой войны встала на путь нейтралитета, начала проводить независимую политику, стала торговать со странами социалистического лагеря, ей удалось резко ослабить свою экономическую зависимость от империалистических западных стран. Это послужило мощным толчком для развития промышленности Финляндии. До войны крупные промышленные монополии препятствовали развитию многих отраслей промышленности (например, черной металлургии) в Финляндии. В настоящее время Финляндия свободна от накладывавшихся на нее ограничений.

6. Польза, полученная Финляндией от проведения политики нейтралитета, сказывается также и в уменьшении военных расходов. Как известно, в бюджетах империалистических стран, участвующих в агрессивных военных блоках, военные расходы составляют десятки процентов. В Финляндии же всего 3—5% из расходов бюджета тратится на оборону страны. Из этого следует, что в Финляндии отсутствует один из признаков современного общего кризиса капитализма — милитаризация хозяйства и связанные с ней отрицательные последствия для развития экономики страны.

7. Важным фактором, стимулирующим экономический и особенно промышленный подъем Финляндии, является расширение внутреннего рынка. В 1938 году количество населения в Финляндии составило 3,6 млн. человек, сейчас — 4,5 млн. За эти годы процент городского населения вырос с 24% до 40%. Резко повысилась и товарность сельского хозяйства, которое сейчас

потребляет значительно больше промышленных изделий, чем до войны и в свою очередь дает гораздо больше товарной продукции.

8. Одним из источников накопления средств для индустриализации Финляндии были внешние займы. Советский Союз предоставил три крупных, выгодных для этой страны займа. Несколько займов Финляндия получила от международных кредитных организаций. Однако эти займы являются по существу целевыми и предоставляются на развитие определенных отраслей промышленности (например, энергетики и бумажной промышленности). Займы, полученные Финляндией от США, предназначены для покупки определенных американских товаров.

К факторам, способствовавшим индустриализации страны, следует также отнести относительно выгодные для финских экспортных товаров цены на мировом рынке в послевоенный период.

9. Необходимые для расширения промышленного производства капиталы получены за счет усиления эксплуатации рабочего класса Финляндии капиталистами. Несмотря на значительный рост производительности труда в послевоенной Финляндии, заработная плата рабочих и уровень жизни трудящихся там значительно ниже, чем в других индустриально развитых капиталистических странах Северной Европы.

10. Однако несмотря на сравнительно выгодные условия развития экономики, темпы роста производства в Финляндии значительно ниже, если их сравнить с темпами роста в социалистических странах, не говоря уже о том, что само развитие Финляндии более противоречиво и неравномерно. Характерно, что в течение 1938—1960 гг., когда промышленная продукция в Финляндии возросла лишь в 2,75 раза, в Советской Эстонии она возросла более чем в 10 раз. В годы экономического подъема рост производства в стране составляет 9—10% в год, а во время экономических кризисов и депрессий прирост производства прекращается. В отдельных отраслях производства (легкая промышленность, производство молочных продуктов) царит хронический кризис перепроизводства, вызванный усиливающейся конкуренцией на капиталистических рынках, а также низкой покупательной способностью трудящихся. Это говорит о том, что капиталистические производственные отношения тормозят действительно прогрессивное развитие экономики Финляндии.

IV. СЕКЦИЯ ЯЗЫКА

М. В. РАЕВСКИЙ

Кандидат филологических наук
(Петрозаводск)

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИХ РАЗВИТИЯ

(на материале скандинавских языков)

1. В скандинавистике принято традиционное подразделение северо-германских языков на более мелкие группировки (западную и восточную), основывающееся на отсутствии или присутствии в отдельных языках некоторых фонетических и морфологических явлений. Однако такое подразделение оправдано в первую очередь для древнего состояния этих языков.

2. Восемь веков, прошедших со времени появления первых письменных памятников на скандинавских языках, во многом изменили лингвистическую ситуацию в северогерманском языковом ареале: территориальные ответвления западнонорвежских диалектов в Исландии и на Фарерских островах обособились в самостоятельные языки; образование самостоятельных государств и развитие национальной культуры сопровождалось созданием литературных языков как совершенно новой лингвистической категории; развитие некогда единых фонологической и морфологической систем шло в различных частях Скандинавии по нескольким различным направлениям.

3. Все эти обстоятельства вполне оправдывают попытку построить классификацию современных литературных скандинавских языков. По-видимому, такая классификация будет отличаться и от традиционной, и от классификации скандинавских диалектов. При выборе основания для классификации целесообразно отказаться от привлечения данных грамматики и ограничиться лишь данными фонетики или фонологии.

4. В основу классификации по фонетическим признакам предлагается положить следующие различия: а) в трактовке этимологических смычных *k, g* перед переднеязычными гласными; б) в судьбе этимологических групп *sk, skj, stj, tj, dj, sj, hv, ll, gp*; в) в развитии старых долгих *a, o, u*.

По линии различий в фонетическом развитии согласных друг другу противостоят норвежский, шведский и фарерский, с одной стороны, и датский и исландский, — с другой. По линии различий в фонетическом развитии гласных норвежский, шведский и фарерский противостоят датскому, а исландский занимает промежуточное положение между ними.

5. В основу фонологической классификации предлагается положить следующие признаки: наличные типы корреляций в системах гласных и согласных фонем; степень их использования в фонологических системах отдельных языков; удельный вес различных типов оппозиций.

По линии фонологических различий друг другу противостоят норвежский и шведский, с одной стороны, и датский, фарерский и исландский, — с другой. При этом датский язык образует как бы связующее звено между указанными группировками.

Э. А. МАКАЕВ

Кандидат филологических наук
(Москва)

ПРОБЛЕМЫ РУНИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ

1. Значительную часть лексики древнейших рунических надписей, выполненных двадцатичетырехзначным руническим алфавитом — футарком, составляют имена собственные. Филологическая (включая палеографию) и этимологическая интерпретация древнейшей рунической ономастики имеет принципиальное значение не только для характеристики рунической лексики, для выяснения вопроса о соотношении рунической и общегерманской лексики, но также и для сравнительной грамматики германских языков и древнейшей истории германских племен.

2. Материал древнейшей рунической ономастики позволяет выделить слой имен собственных, не представленных в древнескандинавских источниках, но находящих себе соответствие в континентально-германской ономастике. Следовательно, можно утверждать, что наблюдается известный водораздел между древнейшей рунической и древнескандинавской ономастикой.

3. Объяснение данному явлению следует, по всей вероятности, искать не в значительном западногерманском инфильтрате в рунической ономастике, как это делается рядом исследователей, а в том, что язык древнейших рунических надписей представляет собой своеобразное руническое койнэ, первый в истории германских языков литературный вариант, сложившийся на основе западного ареала германской языковой общности.

4. Анализ рунического имени *hagiuha* (Зеландский бракт-теат) приводит к выводу, что оно не является изолированным образованием, но находит себе определенные параллели в других рунических надписях, в том числе и более позднего времени, а также, возможно, и в континентально-германской ономастике. Интерпретация данного имени может пролить некоторый свет на весьма спорную и неразрешенную герульскую проблему.

5. Анализ указанного выше рунического имени, а также различных пластов рунической ономастики говорит о необходимости проведения тщательного и обширного исследования всех возможных способов передачи греческими и латинскими авторами германских имен собственных.

П. А. АРИСТЭ

Доктор филологических наук
(Тарту)

ЗНАЧЕНИЕ ШВЕДСКИХ ГОВОРОВ ЭСТОНИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ

1. В северо-западную часть Эстонии шведы переселились из Швеции и шведской части Финляндии в период с первой половины XIII в. по XV в. Во время немецкой оккупации, в 1944 году, большинство шведского населения Эстонии выехало в Швецию.

Проживавшие в Эстонии шведы были оторваны от своих соплеменников, и поэтому их язык развивался своими особыми путями. Исследованием шведских говоров в Эстонии советские языковеды, к сожалению, до сих пор не интересовались, хотя изучение этих говоров представляет несомненный интерес для исследователей скандинавских языков. В этих говорах сохранились некоторые весьма древние черты германских языков.

2. В лексике шведов Эстонии сохранилось много древне-северогерманских слов, которые в других шведских диалектах были вытеснены нижнемецкими заимствованиями. В этих говорах сложилась также своеобразная местная лексика из германских элементов. Кроме того, в этих говорах содержатся различные прибалтийско-финские лексические элементы, не известные другим шведским диалектам.

3. Шведские говоры Эстонии сохранили также некоторые древние фонологические черты северогерманских языков, как, например, дифтонги, первоначальные долготы, различные древние сочетания согласных и т. д., которые исчезли в других говорах.

4. В шведских говорах Эстонии сохранились и различные древние морфологические особенности германских языков, как, например, четкое различие между атрибутивной и предикатив-

ной формами прилагательного, широкое употребление грамматического рода, древние формы глагола, местоимения и т. д.

5. Все шведские говоры Эстонии находятся в стадии отмирания, поэтому советским языковедам-германистам следует обратить на них особое внимание.

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

Доктор филологических наук
(Ленинград)

К ВОПРОСУ О ПАРАЛЛЕЛЬНОМ РАЗВИТИИ В ИСЛАНДСКОМ И НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКАХ

В Исландии и западной (точнее — юго- и средне-западной) Норвегии произошли некоторые сходные звуковые изменения. Большинство этих изменений произошло также на Фарерских островах. Сходство особенно велико в области изменения согласных. Сходство это получило различное толкование, в зависимости от различного понимания сущности звукового изменения. Одни ученые трактуют сходство как результат влияния западно-норвежских диалектов на исландский язык (Йоуханнссон, Кун, Чепмен). Сторонники этой концепции рассматривают звуковые изменения как случайные и не связанные между собой факты. Они склонны понимать самый процесс звукового изменения как процесс заимствования. Другие исследователи истолковывают исландско-норвежские изменения как результат параллельного развития (Тоуроульфссон, Хегста, Сейп и др.). Сторонники этой концепции исходят из понимания фонетической тенденции» как некой силы, необъяснимой в своей сущности. Однако можно привести целый ряд фактов в пользу того, что исландско-норвежские изменения согласных, по всей вероятности, составляли единый процесс, растянувшийся на много веков и что, следовательно, параллельное развитие исландского и норвежского языков отнюдь не исключено.

В. П. БЕРКОВ

Кандидат филологических наук
(Ленинград)

СОЧЕТАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В СИЛЬНОЙ ФОРМЕ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ С СУФФИГИРОВАННЫМ АРТИК- ЛЕМ В СОВРЕМЕННОМ ИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В современном исландском языке в большинстве случаев прилагательное, определяющее существительное с определенным артиклем, употребляется в слабой форме. Вместе с тем, иногда

существительное с суффиксированным артиклем может определяться прилагательным в сильной форме.

2. В исландских грамматиках этой второй конструкции обычно не уделяется внимания и лишь в некоторых из них отмечено ее стилистическое значение.

3. Анализ показывает, что грамматическое значение конструкции «сильное прилагательное + существительное с определенным артиклем» четко противопоставлено значению конструкции «слабое прилагательное + существительное с определенным артиклем». Значение первой конструкции состоит в предикции «данному» предмету «нового» признака, тогда как значение второй состоит в назывании «данного» предмета с «данным» признаком.

4. Значение анализируемой конструкции, в общем, эквивалентно значению существительного с определительным придаточным предложением.

5. Стилистическое значение рассматриваемой конструкции является производным от грамматического.

И. Н. АНАЦКИЙ

Кандидат филологических наук
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ СУФФИКСАЛЬНОЙ СИНОНИМИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

1. Функционирование разных словообразовательных моделей в значении суффиксов имени действующего лица в исландском языке и проблема суффиксальной синонимии. Классификация словообразовательных моделей в категории имени действующего лица:

а) суффиксы, продолжающие общиндоевропейскую модель (суффиксы *-jo-*, *-n-* (*on-*, *jon-*), *-nt*);

б) общегерманские и скандинавские суффиксы *-agi* < лат. *agius* >, *-ingr*, *-lingr*, *-ungr*, *-undr*, *-ir*, *-ill*, *-ingi*, *-inn*, *-unn*, *-urr*.

2. Структура слова в древнеисландском языке и роль переразложения в формировании новых словообразовательных моделей. Возникновение на базе прежних основообразующих суффиксов *-on-*, *-jo-* новых словообразующих суффиксов, соответственно *-ingi* и *-ir*, возникновение в классе *o*-основ новых словообразующих суффиксов *-ill*, *-inn*, *-unn*, *-urr*, *-ull*, *-ingr*.

3. Употребление в значении имени действующего лица сложных слов, вторым компонентом которых выступали слова *-taðg*, *-kaðl*, *-sveinn*, приобретавшие значение суффикса. Характер взаимодействия различных словообразовательных моделей и их удельный вес в образовании категории имени действующего

лица. Степень продуктивности отдельных словообразовательных типов. Степень охвата отдельных лексических пластов тем или иным словообразовательным суффиксом. Взаимодействие основообразующих общиндоевропейских суффиксов *-jo-*, *-n-* (*-on-*, *-jon-*) с общегерманскими и собственно исландскими суффиксами. Тенденции развития в употреблении отдельных словообразовательных моделей. Характеристика случаев употребления суффикса *-ari* и проблема заимствования.

4) Жанровая и стилистическая характеристика отдельных словообразовательных моделей в различных жанрах литературного языка и их соотношенность с поэтической лексикой, языком исторической хроники или лексикой разговорного языка.

5) Методика описания взаимодействия различных словообразовательных моделей. Анализ сочетаемости определенной модели, например, *-ari*, *-andi*, *-maðr*, с различными лексическими пластами в разных литературных жанрах.

Г. С. ЩУР

Кандидат филологических наук
(Москва)

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В ИСЛАНДСКОМ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ ГЕРМАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

1. В исландском, в отличие от других древних и современных германских языков, отмечается особый тип описательного будущего времени с глаголом «типич».

2. Другой особенностью будущего времени в исландском языке является большой удельный вес в древнеисландском описательных форм (в прозе — 80%), что ставит древнеисландский в особое положение, по сравнению с другими древнегерманскими языками, где преобладало синтетическое будущее.

3. Развитие описательного будущего и большой удельный вес этих форм в древнеисландском, очевидно, находятся в связи с развитием описательного перфекта и других описательных форм в этом языке, что также отличает древнеисландский от других древнегерманских языков, в которых преобладают синтетические формы.

4. В современном исландском удельный вес описательных форм будущего времени значительно меньше, чем в древнеисландском. В современном исландском, особенно в разговорном языке, преобладает синтетическое будущее, что также отличает исландский язык от других современных германских языков, в которых развито описательное будущее.

5. Большой удельный вес описательного будущего и других описательных форм, а также предложных конструкций в древнеисландском, при сохранении большого числа синтетических форм в этом языке, позволяют усомниться в истинности весьма распространенного мнения, согласно которому развитие аналитических форм связано с исчезновением синтетических. Вместе с тем, эти факты опровергают утверждение о синтетическом и архаическом характере исландского языка, который объясняется якобы его изолированным положением среди других германских языков.

Г. И. СКОРОХОДОВА

Кандидат филологических наук
(Ленинград)

ОСВОЕНИЕ ШВЕДСКИМ ЯЗЫКОМ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ

(суффикс прилагательных -bar)

1. Так же, как и в других германских языках, в шведском не прекращается процесс возникновения новых словообразовательных суффиксов. Значительное место среди них занимают неисконные аффиксы.

2. Как правило, такие суффиксы проникают в язык в составе заимствованных слов. Если их семантика в новом для них языке оказывается достаточно четкой или если в самом языке имеется сходное, но не продуктивное или малопродуктивное словообразовательное средство, которое может составить опору новому суффиксу, или если его фонетическое оформление не чуждо для данного языка, то такое словообразовательное средство, вычленившись из состава заимствованной лексемы, может войти в язык и проявить там свою продуктивность.

3. В силу исторически сложившихся условий наибольшее влияние на систему словообразовательных суффиксов шведского языка оказал немецкий язык.

К числу заимствованных из немецкого языка и ныне продуктивных словообразовательных аффиксов мы можем в первую очередь отнести суффикс -bar.

4. В момент своего появления в языке суффиксы прилагательных, как правило, обладают способностью соединяться с именными основами, а в дальнейшем, по мере своего развития, проявляют все большее тяготение к отглагольным образованиям. Суффикс -bar не составил исключения.

5. Продуктивность суффикса -bag проявляется по векам следующим образом:

	в XVI	в XVII	в XVIII	в XIX	в XX
от основ существительных	17%	15%	10%	58%	+ ¹
от основ глагольных	—	1%	13%	86%	++

Следовательно, мы имеем все возрастающую продуктивность этого суффикса в образовании отглагольных прилагательных.

6. Словообразовательный суффикс может войти в число продуктивных суффиксов также и в том случае, если он развил в себе способность соединяться с основами, которые ранее в качестве производящих основ не выступали.

Суффикс -bag вызвал к жизни новые типы производящих основ, а именно:

1. существительные, оканчивающиеся на -(n)ing;
2. глаголы на -ega, которые до появления суффикса -bag в качестве производящих основ не выступали.

7. Суффикс -bag сумел войти в число продуктивных средств современного шведского языка настолько прочно, что стал опасным конкурентом суффикса -lig в образовании прилагательных, обозначающих возможность действия, названного производящей основой. Словообразовательные возможности -lig в образовании отглагольных прилагательных с данным значением ограничены.

8. Подобное успешное проникновение в язык заимствованных словообразовательных средств вызвано тем, что число словообразовательных суффиксов прилагательных было первоначально весьма ограниченным. В основном в древнешведском мы имеем всего лишь два суффикса -ig и -lig. Они охватывают широкий круг производящих основ (существительных, прилагательных, глаголов, словосочетаний) и очень многозначны.

Вполне естественно, что оба эти суффикса не могли сохранить одинаковую степень продуктивности по отношению ко всем основам, с которыми они соединялись

По мере развития языка на место полисемичных суффиксов, обладавших способностью сочетаться с самыми различными основами, приходят суффиксы, соединяющиеся с каким-либо одним видом основ и имеющие небольшое количество значений, причем наибольшая степень продуктивности проявляется в каком-либо одном виде значений.

9. В современном шведском языке прилагательные на -bag, образованные от основ глаголов, составляют 84%, от основ суще-

¹ + свидетельствует о наличии образований в XX веке.
++ показывает, что число образований XX века значительно больше числа образований XIX века.

ствительных — 12%, на базе словосочетаний — 3% и от основ прилагательных — 1%.

10. Несмотря на стремление отдельных пуристов как-то ограничить продвижение *-bag* в современном шведском языке, последний прочно вошел в состав продуктивных словообразовательных средств прилагательных современного шведского языка. Он ничем не выдает своего иноязычного происхождения, подчинившись фонетическим и грамматическим нормам шведского языка.

11. Суффикс *-bag* является не единственным заимствованным словообразовательным суффиксом. К числу более поздних заимствованных суффиксов относятся *-aktig*, зафиксированный в письменных памятниках шведского языка XV в., и *-mässig* (XVIII в.).

Таким образом, суффиксы прилагательных шведского языка представляют собой систему, устойчивую в своей основе, но изменяющуюся и пополняемую в процессе развития языка.

С. Д. КАЦНЕЛЬСОН

Доктор филологических наук
(Ленинград)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СКАНДИНАВСКОЙ СЛогоВОЙ АКЦЕНТУАЦИИ

1. Проблема происхождения шведско-норвежской слоговой акцентуации и датского толчка рассматривалась до сих пор на ограниченном материале преимущественно «государственных» языков. Данные диалектов с представленными в них сложными системами акцентуации в достаточной мере не учитывались. Между тем, в шведских норвежских диалектах засвидетельствованы своеобразные системы акцентуации, значительно отличающиеся от системы двухакцентов (I и II), представленной в государственных языках. Еще более своеобразные акцентуационные системы имеются в датских диалектах. Только всесторонний учет и сравнительно-исторический анализ всех имеющихся в распоряжении современной науки данных может служить надежным отправным пунктом при разработке проблемы происхождения скандинавской слоговой акцентуации.

2. Хотя сравнительная акцентология добилась немалых успехов в части описания и сравнительно-исторического изучения скандинавской акцентуации, она все же не сумела дать сколько-нибудь убедительной и общепризнанной теории происхождения скандинавских акцентов. Предложенные в разное время многочисленными исследователями теории этого вопроса весьма противоречивы и относят возникновение акцентов к разным пери-

дам — от далекой эпохи общендоевропейского единства до позднейших эпох образования скандинавских национальных языков. Разнобой и противоречивость суждений в данном вопросе обусловлены не только ограниченностью фактического материала, но также и несовершенством метода. В центре внимания исследователей находились в общем «атомизированные» факты, а не конкретные диалектные системы акцентуации с присущими им просодическими элементами во всем многообразии их позиционно-фонетической и лексико-морфологической дистрибуции.

3. Внимательное изучение и сравнительный анализ современных диалектных систем акцентуации и присущих им противоречий позволяет реконструировать древнюю систему акцентуации при помощи так называемой «внутренней» и межсистемной реконструкции. Особо важное значение в плане реконструкции приобретают выявленные исследованием архаические диалектные системы, сохраняющие, хотя и в преобразованном виде, ряд реликтовых черт далекого прошлого. Для всего комплекса рассматриваемых генетических вопросов особое значение приобретает восточно-фюнская система акцентуации, позволяющая перебросить мост от датских систем толчка к шведско-норвежской системе акцентуации, с одной стороны, и от скандинавской акцентуации в целом к западногерманской, — с другой.

С. С. МАСЛОВА-ЛАШАНСКАЯ

Кандидат филологических наук
(Ленинград)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПРЕДЛОЖНОЙ СИНОНИМИЕЙ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Общеизвестен факт употребления в различных языках, в том числе и в шведском, разных предлогов в одних и тех же синтаксических функциях, в одинаковых и чрезвычайно близких значениях. Выяснение характера предложной синонимии, условий ее возникновения и роли в языке важно для понимания системы предлогов в целом.

2. Предложная синонимия наблюдается в разнообразных синтаксических условиях. Предложные обороты с синонимическими предлогами могут выступать в роли разных членов предложения: в функции обстоятельства — *gå till // på torget*, в функции глагольного дополнения — *tala med // vid ngn*, в функции дополнения при прилагательном — *full av // med ngt*, в функции определения к существительному — *anstalter för // till resan*.

3. Под значением предлога понимается его способность вы-

разить то или иное отношение зависимости между именем существительным (или местоимением-существительным) и другими словами. Эта синтаксическая зависимость отражает реальные взаимоотношения между явлениями действительности. Синонимичные предлоги иногда передают совершенно идентичные отношения, иногда же оттенки, варианты данного отношения.

Примеры полной синонимии предлогов: *vara vid // på gott humör, ord för // efter ord.*

Примеры неполной синонимии предлогов: *gå efter // bakom ngn, känslan av // för ngt.*

4. Наблюдения над предложной синонимией в шведском языке показывают существование различных по своей структуре словосочетаний, в которые входят синонимичные предлоги. Их можно назвать структурными типами предложной синонимии. Основными из них являются следующие:

1) гомолексемная конструкция (синонимичные предлоги выступают в словосочетаниях с совпадающими лексическими элементами):

dö av // i en sjukdom tala med // vid ngn

2) гетеролексемная конструкция (синонимичные предлоги выступают в словосочетаниях с несовпадающими лексическими элементами):

full av ngt (fläckar osv) — rik på ngt (sjöar osv)

3) частично-гетеролексемная конструкция (синонимичные предлоги) выступают в словосочетаниях с одинаковым управляющим словом и разными зависимыми словами):

vara anställd vid postverket — på kontoret — i affären

5. Причины возникновения предложной синонимии многообразны. К числу важнейших причин относятся следующие:

а) для выражения определенного отношения используются языковые обозначения разных черт данного отношения или разного подхода к нему. Пример: [*dö av // i en sjukdom*].

Предлог *av* использован для обозначения того, чем вызвано действие, а предлог *i* для того, чтобы указать на состояние, предшествовавшее действию. В процессе забвения внутренней формы оба предлога превращаются в более или менее идентичные средства выражения причины действия.

В результате развития системы значений у тех или иных предлогов появляется способность выражать в высшей степени абстрактные отношения. При этом однотипные отношения нередко выражаются при помощи различных предлогов. Так, для указания на количественный признак какого-либо явления в шведском языке стали использоваться предлоги *om* и *på*. Ср.:

vikt om // på 5 kg. ett brev om // på tre sidor.

К ВОПРОСУ О ГЛАГОЛАХ-СВЯЗКАХ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Отсутствие в шведской лингвистической традиции термина и понятия, соответствующих русскому термину и понятию «составное именное сказуемое», и, следовательно, отсутствие термина и понятия «глагол-связка».

2. Необходимость выделения составного именного сказуемого в современном шведском языке как органического сочетания связочного глагола с предикативным членом.

3. Глагол-связка — это грамматикализованное (служебное) слово, основное значение которого сводится к грамматическим (служебным) функциям. Связка служит для грамматического оформления сказуемого: она указывает на наклонение, время, лицо и другие грамматические категории и связывает подлежащие с предикативным членом. В остаточном виде глагол-связка сохраняет и присущее ему лексическое значение.

4. Существование в современном шведском языке развитой и развивающейся системы связочных глаголов, в которую входят различные глаголы, не тождественные друг другу ни по остаткам лексического значения, ни по степени своей грамматикализации.

5. Различие между собственно связками и полусвязками в зависимости от степени грамматикализации слова. Связка — это полностью грамматикализованное слово, которое сочетается с любыми предикативными членами; полусвязка имеет ограниченную сочетаемость.

6. Пять типов связок и полусвязок в зависимости от остатков их лексического значения:

1) Связки и полусвязки со значением наличия признака предмета, указанного подлежащим. Связка — *vara, bliva*. Полусвязки — *stå, gå*.

2) Связки со значением становления или возникающего наличия признака: *bliva, varda*.

3) Связки со значением длительного, продолжающегося наличия признака: *förbliva, bliva*.

4) Связки и полусвязки со значением кажущегося наличия признака: Связки: *synas, förefalla, förekomma, te sig*. Полусвязки: *tyckas, se vt*.

5) Связка и полусвязка со значением признака, утверждаемого кем-то, известного с чужих слов. Связка: *heta*. Полусвязка: *kallas*.

О ПРИРОДЕ И ФУНКЦИЯХ СЛОВ *over*, *om*, *på* и т. д.
В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ТИПА: *Man tænkte på, at han er...*
В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В зарубежной скандинавистике стало традиционным утверждение, что в скандинавских языках (шведском, датском, норвежском) предлоги способны управлять придаточными предложениями и инфинитивными оборотами. Обычно это характеризуется как особое свойство предлогов в скандинавских языках.

Такого рода утверждения встречаются как в научных трудах (П. Дидерихсен, О. Хансен), так и в практических грамматиках датского языка (Е. Оксенвад, И. Стеман и М. Ниссен, К. Винтер). Подобные же утверждения содержатся также и в трудах советских скандинавистов.

2. Поскольку каждая из разновидностей таких конструкций, наряду с общими чертами, обладает своими, свойственными только ей характерными особенностями, то на данном этапе, впредь до осуществления специальных исследований, не представляется возможным затрагивать ту разновидность, в состав которой входит инфинитивный оборот. Внимание сосредоточивается на анализе конструкции, состоящей, по традиционному определению, из «придаточного предложения, вводимого предлогом».

Примером такой конструкции может служить предложение: *Man beklager sig over, at mange af vore gadeskilte er ulæselige.* (Жалуются на то, что многие из наших табличек с названием улиц невозможно прочесть).

3. Такого рода предложения достаточно широко распространены в датском языке. Отнюдь не реже, чем дополнительные предложения с союзом *at*, в таких сложных предложениях встречаются предложения, вводимые наречиями *hvor*, *hvorledes* и местоимениями *hvad*, *hvem* и др., а также бессоюзные придаточные предложения.

4. О характерных особенностях и функциях слов *over*, *om*, *på* и др. место которых, как правило, в конце главного предложения, можно сказать, что им не присущи особенности и функции предлогов. Так, в семантике этих слов обнаруживается яркий указательно-местоименный момент, составляющий базу для соотношения содержания главного предложения с содержанием придаточного предложения.

Указательно-местоименный момент (ослабленный в семантике предлогов до предела — почти до полного исчезновения),

позволяет определить роль этих слов в предложении как самостоятельную, а не связующе-служебную. Характерными сопутствующими моментами являются: сильное ударение и интонационная оформленность, типичные для самостоятельного слова, и связанное с ними явление смычки (*stød*), а также наличие длительной паузы, получающей в предложениях этого типа орфографическое оформление в виде запятой, что тоже не является характерным для предложного словосочетания.

5. Наблюдается известное структурное совпадение в предложениях типа: *Man beklager sig over, at mange af vore gadeskilte er ulæslige.* (Жалуются на то, что многие из наших табличек с названием улиц невозможно прочесть) и *Man har regnet ud, ad kun hver fjerde københavnere går med hat.* (Подсчитано, что лишь каждый четвертый копенгагенец носит шляпу.) Но совпадение здесь лишь чисто внешнее, так как сущность и функции единиц *over* и *ud* в этих предложениях совершенно различные.

Если в первом предложении перед нами самостоятельное слово — член предложения, то во втором предложении перед нами приглагольное наречие *ud*, представляющее собой в семантическом плане нераздельное целое с глаголом *regne* (считать) — *regne ud* (высчитывать, подсчитывать).

6. По своему характеру слово *over* в предложении *Man beklager sig over, at...* (Жалуются на то, что...) несомненно близко к словам *i* и *på* в предложениях:

Der står skabet med bøger i.

(Там стоит шкаф, а в нем книги).

Der er stolen at sidde på.

(Вот стул, чтобы сидеть на нём).

Слова *i* и *på*, также как и *over*, не могут быть квалифицированы в этих предложениях как служебные связующие слова — предлоги, так как они не выполняют функции грамматической связи слов. Слова *i* и *på* лишь местоименно соотносят содержание первой части предложения с содержанием входящего в него оборота, в то время как *over* таким же образом соотносит содержание главного предложения с дополнительно уточняющим его содержанием придаточного предложения.

V. СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Э. КАРХУ

Кандидат филологических наук
(Петрозаводск)

АРВИД ЯРНЕФЕЛЬТ и «ФИНСКОЕ ТОЛСТОВСТВО»

1. В 1958 году в Хельсинки вышла книга А. Ноккалы «Толстовство в Финляндии», в которой приводится обширный фактический материал, дающий представление о времени возникновения и затухания интереса к общественно-философским и религиозно-этическим взглядам Толстого в Финляндии, о круге финских «толстовцев», о их критиках «слева» и «справа». Однако автору осатется неясной социальная природа «толстовства» как идеологии, отразившей настроения крестьянских масс на определенной ступени исторического развития, в период решительной ломки патриархального уклада под натиском буржуазных отношений.

2. А. Ноккалу интересует влияние «толстовства» на финляндскую общественную мысль, художественной литературы он не касается. Применительно к творчеству А. Ярнефельта (1861—1932) в буржуазном литературоведении высказывалось мнение (Р. Коскимес), что «толстовство» Ярнефельта не имеет никакой связи с финляндской действительностью, а объясняется исключительно «смешанным» происхождением писателя, тем, что его мать была русская.

3. Подобно тому, как Толстой называл себя «адвокатом сто-миллионного русского крестьянства», Ярнефельт в Финляндии выступил в защиту угнетенных крестьянских масс, бросив клич: «Земля принадлежит всем!» Так называемый «торпарский вопрос» стал одним из главных социальных вопросов в Финляндии в конце XIX — начале XX веков, и он был в центре внимания Ярнефельта, художника и публициста. Существенную роль в этом сыграло влияние Толстого, который в личных беседах с Ярнефельтом проявлял живейший интерес к аграрным отношениям в Финляндии, подчеркивая их первостепенное значение для уяснения условий жизни народа.

4. В творчестве Ярнефельта, в его романах «Отечество» (1893), «Елена» (1902), «Дети матери земли» (1905) и других

произведениях этого периода, имевших широкий общественный резонанс, острая критика противоречий финляндской действительности сочеталась с проповедью «непротивления», либо «пассивного сопротивления», что в какой-то мере отражало временную незрелость политического сознания социальных низов.

5. Анализ творческой эволюции Ярнефельта на фоне современной ему общественно-политической жизни показывает, что историческим пределом «толстовства» в Финляндии как «массовой идеологии» явились революционные события 1905—1907 годов. Народные массы переходили к формам активной борьбы, идея «пассивного сопротивления» (которой сочувствовал и Толстой) уже не имела прежней почвы. Это привело к тому, что Ярнефельт в дальнейшем утрачивает интерес к социальным движениям и отходит от концепции общественного человека. Переломным моментом в этом отношении является роман «Жители Венехоя» (1909), который можно считать последним социальным романом Ярнефельта. В последующих произведениях человек интересуется его вне общественных связей, действие развивается в искусственном вакууме, в отрыве от больших событий эпохи.

6. Ленинский анализ социальных истоков и исторических судеб «толстовства» находит свое подтверждение также на материале общественно-литературной жизни в Финляндии на рубеже XIX—XX веков.

Э. Г. ЛАУГАСТЕ

Кандидат филологических наук
(Тарту)

КААРЛЕ КРОН И ЭСТОНСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Труд каждого исследователя оценивается нами соразмерно с тем новым, что он внес по сравнению со своими предшественниками. Выяснение прогрессивной роли прежних исследователей имеет весьма существенное значение в истории любой науки.

1. В этом году исполняется сто лет со дня рождения Каарле Крона. Каарле Крон развил географо-исторический метод в фольклористике, заложенный его отцом, Юлиусом Кроном. Основное отличие этого метода от господствовавшей ранее мифологической школы заключалось в том, что он требовал привлечения к исследованиям большого количества материалов, которые должны были предопределять и выводы самой работы. Цель исследования усматривалась им в том, чтобы установить место и время возникновения сказки, песни или иного произведения народно-поэтического творчества и выяснить их первоначальную версию. Это, конечно, весьма узкая постановка за-

дачи. Социальная функция народного творчества и его эстетическая ценность не рассматривались.

2. Правильность выводов снижалась тем, что ни сам Крон, ни другие сторонники и последователи его метода не учитывали фазовости, т. е. упускали из виду то, что фольклор живет во времени и пространстве и в силу этого: 1) или находится в активном употреблении, или 2) сохраняется лишь в памяти народа, или, наконец, 3) вообще исчез. Это постоянный процесс изменений, причем наиболее важным фактором, приводящим к изменениям, являются социальные условия.

3. Теоретические положения Крона применялись и в буржуазной эстонской фольклористике. Писались докторские и магистерские диссертации, публиковались народные песни, учебная работа в университете опиралась на одни и те же основы (Андерсон, Эйзен). Сам Крон весьма серьезно считался с эстонским материалом.

4. Выводы, сделанные на основе обширного материала, массовая публикация текстов и сравнительный метод — все это следует признать положительными чертами в деятельности Крона.

В. П. НЕУСТРОЕВ

Доктор филологических наук
(Москва)

ГЕНРИК ИБСЕН И ПРОБЛЕМЫ РОМАНТИЗМА

1. Наследие великого норвежского писателя Генрика Ибсена занимает выдающееся место в истории реалистического искусства второй половины XIX века. Его идейная драматургия составила богатый репертуар для театра, обратившегося к большим актуальным и прогрессивным общественным проблемам. Его критика не обошла почти ни одного из устоев, служивших опорой буржуазным «столпам общества». Однако сила ибсеновской драматургии заключалась не только в ниспровержении основ и критике морали современного ему капиталистического общества. Не менее важным ее свойством был огромный гуманистический пафос, отстаивание новых оригинальных эстетических принципов.

2. Чтобы понять как у Ибсена развивался вкус к идеям и формировался театр мысли, необходимо прежде всего выяснить социально-эстетические основы раннего творчества писателя, разобраться в характере и условиях становления его реалистического метода, прошедшего через опыт романтизма.

3. Романтизм в норвежской литературе развивался под воздействием национального освободительного движения и рево-

люционных событий конца 1840-х годов. Немалую роль при этом сыграли также достижения европейского прогрессивного романтизма с его историзмом и вниманием к судьбам человеческой личности, с оппозицией капиталистическому развитию, носившей нередко революционный характер, с поисками внебуржуазных форм жизни (правда, отмеченных иногда печатью патриархальности) и с таким идеалом будущего, в котором личность и общество избавились бы от эксплуатации и угнетения.

Большое значение в процессе выработки принципов национальной романтики имело обращение к памятникам скандинавской древности — к сагам и песням, вдохновенно повествовавшим об эпохе народовластия и смелых борцах за свободу.

4. Наряду с правильной тенденцией в трактовке вопроса о романтизме молодого Ибсена, в современной критике наметились попытки полностью отказаться от его рассмотрения по существу: в одних случаях о нем говорится как о чем-то незначительном и предстающем перед нами лишь в плане выражения «простонародности», в других же, в связи с общей постановкой проблемы реализма в творчестве этого писателя, мысль о романтизме вообще представляется излишней. Подобного рода направления в ибсеноведении представляются несостоятельными. Поэтому обращение к проблемам романтизма в связи с ранним творчеством Ибсена оказывается чрезвычайно важным и необходимым.

5. Новые эстетические принципы, в которых органически сочетались бы положения романтизма и критического реализма, отстаивались Ибсеном во всех областях его раннего творчества. И хотя первые теоретические статьи Ибсена по эстетическим вопросам нередко были неоригинальны и противоречивы, все же и в них можно проследить определенную эволюцию, становление собственной мысли. Интерес писателя к прошлому, его увлечение народной песней и музыкой, халлингом были отнюдь не проявлением «странности» или же данью моде на «крестьянский быт» как это утверждалось буржуазной критикой. Известно, что сам Ибсен протестовал против внешнего «пристегивания» к искусству национального ярлычка. Подлинно национальным он называл такого художника, у которого мотивы родины вытекают из глубины его «собственной души».

6. В отличие от тех романтиков, для которых уход в прошлое, по словам Ф. Меринга, означал «враждебное отчуждение от современной жизни», пристрастие к «сказочной поэзии» и «фантастическому мистицизму», Ибсен и в произведениях на исторические сюжеты стремился к более полному постижению эпохи. В воспроизведении прошлого он пошел дальше многих скандинавских писателей. Ибсен смело вступил в борьбу с узким национализмом, с реакционными идеями пан-скандинавского

толка, в которых, в частности, сказывалось увлечение «жестокостью» и «пиратством» древних викингов.

7. Определяя место «эпического» элемента в романтико-реалистической драме, Ибсен активно отстаивал и «лирическое» начало, особенно важное в драме стихотворной, тяготеющей к переложению на музыку. Образцы такой драмы даны в пьесах «Пир в Сульхауге» и «Улаф Лильекранс» с их легендарной основой: хоры и песни придают этим драмам сходство с оперой. Эта традиция приходит к своему логическому завершению в драме «Пер Гюнт» (особенно в сочетании с музыкой Э. Грига).

8. Критика неоднократно отмечала тяготение романтиков к эпохе Ренессанса. В противовес мещанскому «современному деловому люду», «темному» и «невыразительному», как отметил Н. Берковский (в статье, посвященной Ибсену), «романтики еще верили, что прямая дорога ведет их от современности к делам и дням Возрождения. Герои национально-исторических драм Ибсена («Воители в Хельгеланде», «Фру Ингер из Эстрота» и особенно «Борьба за престол») и по масштабам представляются близкими персонажам литературы Ренессанса.

9. В соответствии со своими замыслами Ибсен придавал огромное значение и тем источникам, на основе которых он создал свои драматические произведения. В древней саге, хронике, далекарлийской легенде или народной песне драматург искал героические характеры, поворотные пункты истории. Вопрос об историческом конфликте получил весьма актуальное решение в лучшей исторической драме Ибсена «Борьба за престол». Люди, представляющие злое, «демоническое» начало (епископ Николас) или не постигшие саги истории (ярл Скуле), действуют аморально. Это приводит к столкновению между ними и Хоконом, не только осуществляющим свое личное (королевское) право, но и ведущим гуманистическую борьбу. Тем самым Ибсен поставил на повестку дня проблему исторических правомочий, связанную с задачами нации и чаяниями народа. Постановка этой проблемы придает драме поистине непреходящее значение.

10. Идеи о неодолимом стремлении человека к истине и осуществлению права пронизывают и философские драмы Ибсена, в которых еще явственно проступают отзвуки романтизма. В «Бранде» показан характерный для ибсеновской драматургии конфликт возвышенной личности с косной средой, хотя максимализм героя порою приводит его к анархическому бунту. Аллегории в «Бранде» и в других драмах философской «трилогии» пронизаны реальным жизненным содержанием. Поэтому вызывают возражения суждения о их «мистицизме». Уже в «Бранде» слова о милосердии бога в действительности звучат злой иронией.

11. Постановка в «Пере Гюнте» проблемы человечества «со всеми альтернативами» потребовала от автора и специфического оформления. Драматическая поэма выдержана в сказочно-комедийном плане. В ней драматург продолжил галерею гротескных персонажей романтической драмы (сказочные тролли и гротескные аллегории). Подлинный драматизм в образе Пера Гюнта достигается исключительной противоречивостью его характера, особенно его взаимоотношений с окружающими.

12. Своеобразный синтез идейных мотивов «трилогии» Ибсен попытался дать в «Кесаре и Галилеяanine». При всей своей противоречивости эта «всемирно-историческая драма» поражает не только своим абстрактным романтизмом. Вместе с тем здесь в зачатке наметились многие из тех проблем, которые нашли свое дальнейшее развитие в новых исторических условиях — в последующей социальной драме писателя.

13. Значение национально-исторической и философской драматургии пронизанной романтической мечтой и тонким лиризмом, заключается также и в той роли, которую она сыграла в становлении реалистического стиля Ибсена. Уже здесь было положено начало отходу драматурга от сценических зрелищ и осуществлению задач психологического анализа, выработки сложной системы мотивировок.

И. П. КУПРИЯНОВА

Кандидат филологических наук
(Ленинград)

АНТИФАШИСТСКАЯ ТЕМА В ДРАМАТУРГИИ КЪЕЛЯ АБЕЛЛЯ

1. Творчество Къеля Абелля (1901—1961) занимает видное место в истории скандинавской литературы и театра. Выступив в начале 30-х годов, Абелль затронул в своих пьесах темы, весьма актуальные для данного периода и принципиально новые для датской драматургии. Вместе с тем, он внес много нового в формы драматического произведения.

2. Поставив в пьесах «Пропавшая мелодия» (1934) и «Ева отбывает детскую повинность» (1936) вопрос о губительном влиянии мещанской среды, обывательских представлений и традиций на формирование личности, Абелль тем самым выражает тревогу по поводу путей развития всего человеческого общества.

Тема эта приобретает особую остроту в пьесах Абелля, написанных под впечатлением серьезных политических столкновений — непосредственно перед началом и во время второй мировой войны. На первый план выдвинута проблема ответственности за судьбы всего общества, лежащей на каждом человеке в от-

дельности. Пассивность, стремление сохранить любой ценой благополучие мещанского «маленького мира», оградить себя от бурь и потрясений «большого мира» трактуется автором как преступление против человечества.

3. В пьесе «Анна Софи Хедвиг» (1938), которую датский литературовед С. Мёллер Кристенсен называет «наиболее значительным антифашистским произведением в датской литературе предвоенных лет», Абелль прямо говорит о том, что европейская буржуазия играет на руку германскому фашизму. Автор осуждает слепоту обывателя, не сознающего надвигающейся опасности, и в то же время утверждает безусловную необходимость активной борьбы в защиту демократии и гуманизма — борьбы, являющейся долгом каждого человека, независимо от положения, занимаемого в обществе.

4. Призыв к активному протесту пронизывает собой и пьесу «Юдифь» (1940), где тема борьбы против фашизма трактуется в более отвлеченном философском плане. Абелль тонко анализирует внутреннюю эволюцию человека, отказывающегося от позиции невмешательства и осознающего свою ответственность за судьбу человечества.

5. Пьеса «Королева-призрак» была написана и поставлена в 1943 году в оккупированном Копенгагене, поэтому Абелль, естественно был лишен возможности открыто призывать в ней к борьбе с фашизмом. Однако полудетективный сюжет драмы и яркие сценические эффекты не заслоняют ее основной идеи: жизнь человека имеет смысл лишь тогда, когда он борется во имя высоких идеалов, во имя свободы человеческой личности, когда его индивидуальная борьба становится частью большого общего дела. Особое место занимает в этой пьесе вопрос о роли искусства, в котором Абелль видит силу, способную преодолеть разобщенность людей, вселить в них веру в жизнь, сплотить их для решительного выступления против общего врага.

6. Наконец, в драме «Силькеборг» (1946), замыкающей антифашистский цикл, непосредственно изображена деятельность участников датского Соппротивления. Но Абелль не ограничивается одним лишь показом активной борьбы против сил фашизма он вновь возвращается к теме, затронутой в «Анне Софи Хедвиг»: об ответственности, которую несут перед всем человечеством все те, кто своим равнодушием, пассивностью, нежеланием выйти за пределы своего «маленького мира» развязал руки фашизму и сделал возможной одну из величайших трагедий в истории человечества.

7. Антифашистские драмы Абелля органически связаны с другими его произведениями, но именно здесь наиболее ярко выражен гуманизм писателя, его ненависть к деспотизму и вера в силы человека.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ИСЛАНДСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

1. Русско-исландские литературные связи до сих пор не изучались, между тем, они имеют свою историю.

2. Первый период русско-исландских литературных связей охватывает вторую половину XVIII и начало XIX веков. В России интерес к исландской литературе зародился в XVII веке и возрос особенно в связи с обсуждением «варяжской проблемы». В России распространяется поэзия Оссиана, на русском языке появляются первые сведения по истории и культуре Исландии (книга Маллэ «Введение в историю датскую»). Печатаются первые переводы древней исландской литературы. Они носили специфический характер, обусловленный тогдашними представлениями о роли скандинавов в истории Руси. В своем творчестве русские писатели начали обращаться к образам скандинавской мифологии (Г. Р. Державин «Новгородский волхв Злогор», «Жилище богини Фригги» и др.). В конце XVIII и начале XIX века в России складывается представление о древнеисландской литературе как об «общескандинавском наследии».

3. В 20-х годах XIX века начинается второй период русско-исландских литературных связей. Особенности этого периода определяются общественным подъемом после войны 1812 года, движением декабристов и ростом интереса к национальной истории. Ряд журналов, связанных с декабристами (особенно «Современатель просвещения и благотворения») знакомят русское общество с исландской литературой. Пребывание в Петербурге Р. К. Раска сыграло положительную роль в пропаганде древней исландской литературы в России. В русской журналистике 20—30-х годов, как прогрессивной, так и консервативной, печатались сведения об исландской литературе и культуре. Значительную роль сыграл, в частности, «Московский телеграф». Следует отметить деятельность О. И. Сенковского, первого в России переводчика исландской литературы с языка оригинала. Интерес к Исландии усиливается после выхода в свет перевода «Эймундовой саги» (1834 г.). В связи с выходом в свет «Граматики исландского языка» С. К. Сабина (1849 г.) в русской печати публикуются отзывы на этот труд.

Популяризатором исландской литературы в России был и Я. К. Грот. В годы его деятельности закладывались научные основы изучения древнеисландской литературы.

4. В 50—80-х годах начался третий период русско-исландских литературных отношений. Научное изучение древнеисланд-

ской литературы стало систематическим (работы Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского и др.).

5. После Великой Октябрьской социалистической революции русско-исландские литературные связи продолжают укрепляться. Положительную роль сыграли исторические традиции русско-исландских культурных отношений. Эти связи способствуют развитию дружественных отношений между СССР и Исландией в наши дни.

Т. И. СИЛЬМАН

Доктор филологических наук
(Ленинград)

СИСТЕМА ЯЗЫКОВОГО СТИЛЯ В «АЛАДДИНЕ» ЭЛЕНШЛЕГЕРА

1. Творчество Эленшлегера составило новый этап в развитии датской литературы, ознаменовавшийся своеобразным сочетанием романтических тенденций (Эленшлегер был признанным главой датского романтизма) с реалистическими традициями датской литературы XVIII в.

2. Толчком к развитию датского романтизма явилось знакомство с развивавшимся в конце XVIII века немецким романтизмом. В частности, для творчества Эленшлегера существенное значение имеют те произведения немецкого романтизма, в которых конкретная, повседневная действительность в гротескной форме противопоставляется некому возвышенному миру (Л. Тик).

3. В драматургии Эленшлегера в 1800-х гг. намечаются три основные линии:

а) сентиментально-романтическая, трактующая образы древних скандинавских сказаний в лирически преображенном виде. («Аксель и Валборг» и др.);

б) героико-реалистическая, в которой без романтической идеализации трактуются существенные эпизоды древней истории скандинавских народов («Хокон ярл», «Пальнатоке»). В произведениях этого направления особенно явственно видны демократические устремления Эленшлегера, его антифеодалная направленность;

в) гротескно-фантастическая, в которой в более или менее преображенном виде дается критика современной действительности и намечается наиболее обобщенная, философская проблематика. Основным произведением этого направления является «Аладдин или волшебная лампа».

Все три линии эленшлегеровской драматургии характеризуются также различиями в структуре языкового стиля. Но

сентиментально-романтическая и героико-реалистическая линии все же значительно ближе друг к другу. Между тем, языковая стихия «Аладдина» весьма своеобразна. В соответствии с идейным замыслом и всем художественным построением пьесы в ней четко противопоставлены друг другу два стилевых плана: эмоционально-повышенный и, вместе с тем, обобщенно-углубленный, натур-философский план, с одной стороны, и план реалистически-бытовой с нарочитой сниженностью и комизмом. в котором иногда проступают даже хольберговские черты, — с другой.

5. Оба этих стилевых плана реализуются во всей системе языковых средств «Аладдина» — как в лексике, так и в синтаксической структуре. Именно это многообразное соединение и переплетение двух стилей, чрезвычайно живое и естественное, придает пьесе ее особую художественную выразительность и жизненность.

Л. Ю. БРАУДЕ

Кандидат филологических наук
(Ленинград)

АСТРИД ЛИНДГРЕН И ЕЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Шведская писательница, Астрид Анна Эмилия Линдгрэн по праву занимает ведущее место в детской литературе скандинавских стран. Присуждение Линдгрэн в 1958 году медали им. Ханса Кристиана Андерсена — международной награды за лучшую книгу для юношества, явилось достойной оценкой ее творчества и, в первую очередь, ее социальной повести «Расмусбродяга».

2. Сведения о жизни и творчестве Астрид Линдгрэн крайне скудны как в зарубежной, так и в советской литературной науке и критике; в основном они представлены краткими биографиями писательницы, справками о ней, рецензиями на ее книги в прессе Швеции и СССР. Все это осложняет задачи исследователя творчества Линдгрэн, ограничивает их выяснением литературного пути писательницы, анализом наиболее важных из ее произведений.

3. Произведения Линдгрэн — новое, незаурядное явление в детской литературе Швеции. Первое же из них — «Книга о Пэппи Лонгструмп» (1945) — нарушило традиции морализирования и сентиментальной слащавости, свойственные этой литературе. Линдгрэн — продолжательница лучших традиций скандинавской и мировой детской литературы (Андерсен, Лагерлёф, Диккенс, Марк Твен и др.).

4. В своем творчестве Линдгрэн сочетает сказку с действи-

тельностью («Малыш и Карлсон, который живет на крыше» — 1953), создает особый мир справедливости и счастья («Мио, мой Мио!» — 1953).

5. Книги Линдгрэн («Знаменитый сыщик Калле Блюмквист» — 1955; «Расмус-бродяга» — 1958 и др.), высмеивающие похождения гангстеров, приобретают огромное значение в Швеции 1950-х гг., в обстановке увлечения американскими детективами.

6. В своей социальной повести «Расмус-бродяга» Астрид Линдгрэн показывает реалистическую картину Швеции начала XX века, опровергает миф о благоденствии детей в приютах, разоблачает ложную романтику бродяжничества.

7. Книги Линдгрэн, с их высокой этической и гуманистической настроенностью, близки и интересны советским людям.

Д. М. ШАРЫПКИН

(Ленинград)

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ДРАМЫ А. СТРИНДБЕРГА «МЕСТЕР УЛУФ»

(*Måster Olof*)

1. Раннее творчество А. Стриндберга (1869—1871 гг.), подготовившее его первое зрелое произведение, историческую драму «Местер Улуф» (1872), проникнуто предчувствием «новой реформации». Стриндберг ожидает не христианско-религиозного, а социально-нравственного переворота. В это время созревает реалистический творческий метод Стриндберга. Центральным конфликтом «юношеских» драм писателя оказывается борьба между духовным прогрессом и социальной реакцией.

2. Наброски, планы, отрывочные характеристики действующих лиц наиболее удачного варианта «Местера Улуфа» (1872), драмы о народном восстании, Стриндберг составляет в период с декабря 1871 по июнь 1872 гг., одновременно изучая труды по истории шведской реформации и осмысляя исторический материал. Стриндберг убежден в существовании исторической аналогии между современной ему Швецией и Швецией в XVI веке, в эпоху бурных страстей и социальных потрясений. Крестьянские войны XVI века кажутся писателю подобием Парижской Коммуны, под впечатлением которой пишется драма. Уже предварительные наброски показывают, что главный герой драмы — отнюдь не «сверхидеалист» и «отступник» Улуф, предавший идею народного мятежа, что этим героем является революционер и «коммунист» Иерд, а также простой народ, который вер-

шит суд над Улуфом и ему подобными. Тема «измены идеалам» наполнена в пьесе конкретным и злободневным в 70-х годах XIX века социальным содержанием.

3. Последующая работа Стриндберга над драмой в 70-х годах объясняется не изменением взглядов писателя, а желанием вопреки цензуре, в пику политической и литературной реакции, во что бы то ни стало опубликовать и поставить на сцене свое произведение. Анализ второго (1875) и третьего (1877) вариантов драмы показывает, что «исправления», внесенные Стриндбергом в текст драмы, фактически являются насилием над его творческим методом. Некоторые уступки реакционной цензуре Стриндберг отчасти компенсирует достижениями в области формы. Эпилог (1878) к драме, по замыслу писателя, должен подчеркнуть универсальность идеи его произведения.

4. Таким образом, «отступления» Стриндберга были лишь временными компромиссами. Творческая история драмы Стриндберга «Местер Улуф» свидетельствует о непрерывности и последовательности идейного и творческого развития писателя.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Пленарное заседание

<i>В. И. Загорский</i> — Северные страны и «общий рынок»	3
<i>И. П. Шаскольский</i> — Основные проблемы периодизации истории скандинавских стран	5
<i>В. Г. Адмони</i> — Творческий путь Августа Стриндберга	6

II. Секция истории

<i>О. К. Тимашкова</i> — Критика шведского реформизма и «демократического социализма»	8
<i>Г. Н. Пирогов</i> — Рабочее движение в Норвегии на третьем этапе общего кризиса капитализма	10
<i>А. С. Кан</i> — Шведский нейтралитет в годы второй мировой войны	13
<i>Г. И. Анохин</i> — Общинные традиции норвежского крестьянства	16
<i>В. Б. Вилинбахов</i> — Существующие теории и проблема возникновения Старой Ладogi	18
<i>А. Я. Гуревич</i> — О некоторых особенностях норвежского феодализма	20
<i>Х. А. Пийримяэ</i> — Некоторые проблемы развития торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке	23
<i>Г. А. Некрасов</i> — Проблема русско-шведского союза во второй четверти XVIII века	24
<i>Л. К. Роотс</i> — О работах датских историков по шлезвиг-гольштинскому вопросу	26
<i>Л. А. Лооне</i> — О политических связях эстонских и финских общественных деятелей в годы национального движения в Эстонии (1878—1882)	29
<i>М. Х. Киуру</i> — Ленинская «Искра» и Финляндия	31
<i>П. И. Ихалайнен</i> — Советско-финляндские отношения в период от Октябрьской революции до признания независимости Финляндии (7 ноября — 31 декабря 1917 г.)	32
<i>Г. А. Панкрушев</i> — Черты культур Аскола и Суомус-Ярви в мезолитических памятниках Карелии	35
<i>Л. А. Голубева</i> — Белозерская весь и ее западные соседи в X—XI вв.	37
<i>Г. Ф. Корзухина</i> — Находки скандинавских вещей в районе г. Торопца Калининской области	38
<i>Ф. Д. Гуревич</i> — Древние пруссы и норманны	39
<i>К. Д. Лаушкин</i> — О мифологической основе легенды о призвании варягов	40

III. Секция экономики

<i>В. Д. Мартынов</i> — Вопросы развития сельскохозяйственной кооперации Швеции	42
<i>С. Г. Жихаревич</i> — Налоговая система и налоговая политика в Швеции. Критика буржуазных и реформистских теорий налогообложения	44

Э.-Л. У. Миккельсаар — К вопросу о жизненном уровне рабочего класса современной Швеции	46
Ю. В. Андреев — Структурные изменения в экономике Дании после второй мировой войны	48
Л. Р. Серебрянный — Использование природных ресурсов в сельском хозяйстве Дании	50
Э. Д. Жибицкая и Л. Р. Серебрянный — Изучение географии скандинавских стран в Советском Союзе в послевоенные годы	52
К. Б. Баранова — Значение внешней торговли для экономики Норвегии и доля социалистических стран в этой торговле	54
М. М. Вабар — Структурные сдвиги экономики Финляндии в период политики нейтралитета	55

IV. Секция языка

М. В. Раевский — Проблема классификации родственных языков на современном этапе их развития (на материале скандинавских языков)	58
Э. М. Макаев — Проблемы рунической ономастики	59
П. А. Аристе — Значение шведских говоров Эстонии для изучения скандинавских языков	60
М. И. Стеблин-Каменский — К вопросу о параллельном развитии в исландском и норвежском языках	61
В. П. Берков — Сочетание прилагательного в сильной форме с существительным с суффицированным артиклем в современном исландском языке	61
И. Н. Анацкий — Некоторые случаи суффиксальной синонимии в историческом развитии исландского языка	62
Г. С. Щур — Будущее время в исландском языке в сопоставлении с другими германскими языками	63
Г. И. Скороходова — Освоение шведским языком заимствованных словообразовательных средств (суффикс прилагательных — <i>bar</i>)	64
С. Д. Кацнельсон — О происхождении скандинавской слоговой акцентуации	66
С. С. Маслова-Лашанская — Из наблюдений над предложной синонимией в шведском языке	67
Л. С. Мельдер — К вопросу о глаголах-связках в современном шведском языке	69
И. Г. Васильева — О природе и функциях слов <i>oker</i> , <i>på</i> , <i>om</i> и др. (в предложениях типа: <i>Man tænkte på, at han er...</i>)	70

IV. Секция литературы

Э. Х. Карху — Арвид Ярнефельт и «финское толстовство»	72
Э. Г. Лаугасте — Карле Крон и эстонская фольклористика	73
В. П. Неустров — Генрик Ибсен и проблемы романтизма	74
И. П. Куприянова — Антифашистская тема в драматургии Къеля Абелля	77
И. В. Дмоховская — Из истории русско-исландских литературных связей	79
Т. И. Сильман — Система языкового стиля в «Аладдине» Эленшлегера	80
Л. Ю. Брауде — Астрид Линдгрэн и ее творчество	81
Д. М. Шарынкин — История создания драмы Августа Стриндберга «Местер Улуф»	82

Тартуский государственный университет
Тарту, ул. Юликооли, 18

ТЕЗИСЫ
ДОКЛАДОВ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКЕ, ЯЗЫКУ
И ЛИТЕРАТУРЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ

Ота, редактор Х. Мосберг
Корректоры Л. Эрингсон и Н. Кулли

Сдано в набор 5/IV 1963. Подписано к печати 25/IV 1963. Бумага $60 \times 90, \frac{1}{16}$. Печатных листов 5,5 Учетно-издательских листов 7. Тираж 400 экз. МВ-04406. Заказ № 2967.

Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР,
г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. 11.

Цена 42 коп.

42 коп.